

День шестой
10 апреля 1929 г.
Утреннее заседание

(л. 466) **Яковлев** (внеочередное заявление)

Сегодня уже третий день заседает Второй областной съезд Советов. У нас много говорилось о том, что необходимо теснейшим образом увязывать этнографическую работу с советским строительством в самом широком смысле слова и, в частности, с культурной работой нашего союза. Поэтому я считаю большим упущением со стороны нашего Президиума, что до сих пор он не предпринял конкретного шага для увязки работы нашего совещания с Областным съездом Советов, тем более что съезд уже приветствовали от фабрик, заводов и всевозможных конференций. Я считаю, что необходимо подтвердить Обл[астному] съезду, что этнографы, полевые и музейные работники идут вместе, нога в ногу, с советским строительством. Я вношу предложение о посылке делегации с приветствием Второму обл[астному] съезду Советов, причем желательно, чтобы делегация была выбрана на паритетных началах от Ленинграда и Москвы.

Аптекарь

Я бы со своей стороны предложил следующий состав делегации:

1) А. Н. Максимова¹, 2) т[оварища] Толстова от I-го МГУ, 3) А. А. Миллера, 4) Гаген-Торн от молодых музейных работников, 5) тов. Мартикян от 2-го МГУ, 6) тов. Арбузов, аспирант, 7) тов. Спиридонов от факультета северных народностей, 8) тов. Маркелов, аспирант ЛГУ, 9) Т. А. <...> 10) тов. Измайлова. Пять человек от Москвы и пять от Ленинграда.

Председатель

Нет возражений или дополнений к списку, предложенному тов. Аптекарем? (*Нет. Список принимается.*) Переходим к прениям.

Яковлева²

У меня вопрос. В первом МГУ имеется антропологическое отделение при физмате и этнофаке. Так как выступающий проф. Преображенский

¹ Максимов Александр Николаевич (1872–1941) — российский/советский этнограф. В 1894 г. за участие в революционном движении был сослан в Архангельскую губернию, где начал заниматься этнографией. До революции был также одним из лидеров либерального движения земцев-конституционалистов. В 1919–1930 гг. — профессор Московского университета. В 1930 г. был уволен по политическим мотивам. Один из крупнейших теоретиков отечественной этнографии, отрицательно относился к широким обобщениям в этнографических вопросах и не принимал эволюционистских теорий родового строя, группового брака и пр. Основные труды по вопросам истории семьи, рода, хозяйства.

² Имеются в виду или Н. Ф. Яковлев, или В. И. Яковлева.

и тов. Толстов одинаково определяют свои области работы, то мне хотелось бы знать, не существует ли (л. 467) параллелизма в работе этих двух учреждений, находящихся в одном вузе.

(л. 468) *Сергиевский*

Вчера было предложено много вопросов, касающихся частью моего сообщения, а частью — сообщения тов. Кошкина. Я начну сначала с того вопроса, который заинтересовал главным образом представителей ленинградского студенчества, — именно построение учебного плана этнографического отделения у нас в Москве.

Как я уже сказал, отделение строится из ряда дисциплин, имеющих то, что я бы назвал «значение общеобразовательных дисциплин» — с одной стороны, и с другой стороны, уже дисциплин специальных. Дисциплины первого рода — те дисциплины, которые входят в порядок всех социально-экономических вузов и факультетов: политическая экономия с просеминарием, исторический материализм с просеминарием, основа советского права, советское хозяйство и экономическая политика СССР, история ВКП, новейшая история России и Запада и история общественных форм, основы ленинизма с семинарием, новейшая история России XIX в. и Запада. Эти предметы являются общефакультетскими на этнографическом факультете. Но этнографическом факультете есть еще антропология в той форме, в какой она имеет главным образом отношение к этнологии, то, что проф. Бунаковский¹ называет географией и систематикой рас, страноведение и как дополнительный предмет антропологическая география. Кроме того, мы включаем психологию и русскую историю до XIX в. Затем еще история колониальной политики эпохи империализма и национальная политика СССР. Дальше предметы строятся в разрезе специально этнографического отделения: этнология общая с семинарием, этнография с просеминарием, введение в языкознание, фольклор, палеонтология, этнография СССР с просеминарием. Далее введение в изучение народов и языка по другим циклам истории, группа народностей, объединенная в цикл истории турецких народов и германских народов, история Средней Азии, кавказских народов, фольклор в разрезе циклам и палеонтология или, как это называется, курсом древности по циклам.

Это в сумме, стало быть, составит ту базу, на которой строится (л. 469) разрез по специальностям, по циклам: по циклу советского строительства, или музейной, или краеведческой работы. По самому последнему пересмотренному плану мы вводим для цикла музееведения и краеведения такие предметы, как музееведение, техника полевых работ и экскурсоведение, для специалистов по союзному строительству: экономическую

¹ Имеется в виду, по всей видимости, В. В. Бунак.

географию (общий курс) и географию по районам национальных государств в порядке семинария, и предлагается еще в качестве дополнения лекционная практика для студентов как полезная им дельнейшая работа.

Вот приблизительно в таком разрезе построены все отделения. Конечно, по отдельным национальным циклам есть дополнительные предметы, формирующиеся в зависимости от цикла. На турецком цикле — вопросы исламоведения, отдельно литература турецких народов. На финском цикле — литература западная, финская и т.д. Далее в том разрезе, как это допускается специализацией по научно-исследовательскому уклону, факультетом установлено некоторое количество предметов, которые могут служить студентам из числа выдвиненцев. Для них вводится специальный курс истории материальной культуры, хозяйства малокультурных народов, история религий. Наконец, один из следующих семинарий — это, скажем, история русской этнографии, обычное право, жилищ, одежды и т.д.

Вот построение самого учебного плана и его отдельных специализаций.

Далее вопрос, который наиболее здесь интересовал, по-видимому, аудиторию, поскольку он задавался многими из выступавших. Это вопрос о том, в каком положении находится преподавание лингвистических дисциплин и существует ли особый курс для увязки яфетидологии. У нас в Москве такого курса, как введение в яфетидологию, до сего времени не было. Преподавание общего языковедения находится в руках проф. Петерсона, принадлежащего к направлению Фортунатовской школы¹.

(л. 470) Относительно того, как поставлено чтение курса колониальной политики, то общий курс по эпохе империализма ведет проф. Лукин², а специальный курс по колониальной политике поручен проф. Преображенскому в этом году. У нас впервые на факультете вводятся в порядке кружковых занятий занятия по яфетидологии, которыми руководит аспирант Дмитриев³, и проф. Яковлев объявил специальный курс необязательного порядка по введению в материалистическую лингвистику. Это впервые поставленный на факультете курс.

Есть ли у нас Институт народов Востока с аспирантами, готовящимися в этом институте?

¹ *Петерсон Михаил Николаевич* (1885–1962) — лингвист, специалист по общему и сравнительному индоевропейскому языкознанию. Профессор МГУ, представитель Московской лингвистической школы, основанной выдающимся российским лингвистом Филиппом Федоровичем Фортунатовым (1848–1914).

² *Лукин Николай Михайлович* (1885–1940) — историк, специалист по Новой истории Западной Европы. Член РСДРП(б) с 1904 г., двоюродный брат Н. И. Бухарина. Академик АН с 1929 г. В 1938 г. репрессирован, умер в заключении.

³ *Дмитриев Николай Константинович* (1898–1954) — языковед-тюрколог, доктор филологических наук (1938), профессор (1930). Преподавал в МГУ с 1929 г.

Да, есть такой институт, и очень большой. У нас большое количество аспирантов работает в качестве преподавателей на факультете, а другая часть привлечена к прохождению аспирантского стажа по отдельным кафедрам.

Относительно того, как преподается язык на факультете.

Общий курс строится в порядке введения в языковедение, и преподавание проводится по циклам. Некоторые преподаватели совпадают с ленинградскими, например на угро-финском цикле тот же профессор, что и в Ленинграде, — проф. Бубрих¹, а так как специалистов не было в Москве и в этом году мы получили подкрепление в лице аспиранта Института народов Востока, о котором здесь упоминалось, тов. Лыдкина², который является главным ассистентом при проф. Бубрихе. По тюркским языкам кафедре занимает проф. Гордлевский³. В помощь ему является наполовину ленинградец тов. Дмитриев. По отношению к циклу восточных славян мы обставлены московскими силами. Мы имеем специальную кафедру диалектологии живых и новых языков, славянского и как основу еще старый славянский язык — профессора Селищев и Расторгуев, Галанин и др.⁴ Иностранные языки преподаются в качестве обязательных предметов в течение трех лет. Задача преподавания новых языков сводится главным образом к подготовке студентов к работе над научной книгой, необходимой для прохождения теоретического курса и семинарий. Надо еще упомянуть о кавказских языках. (л. 471) Там преподавание ведут проф. Яковлев и Жирков⁵, в помощь проф. Яковлеву аспирант Чемазиков⁶, который преподает кабардинский язык.

Вот еще один существенный вопрос о полевой работе. Наше отношение к этой работе такое же, как и на ленинградском факультете. Мы рассматриваем ее как обязательную, неотъемлемую часть нашего преподава-

¹ Бубрих Дмитрий Владимирович (1890–1949) — лингвист, профессор (1925), доктор наук (1937), член-корреспондент АН СССР (1946), один из создателей отечественного финно-угроведения.

² Лыткин Василий Ильич (1895–1981) — лингвист финно-угровед, поэт, переводчик, доктор филологических наук. В 1930–1933 гг. работал в МГУ.

³ Гордлевский Владимир Александрович (1876–1956) — востоковед-тюрколог. Академик АН СССР (1946). В 1907–1948 гг. преподавал в Лазаревском институте восточных языков, преобразованном в Московский институт востоковедения, в 1921–1929 гг. — в МГУ, в 1945–1950 гг. — в Институте внешней торговли. В 1938–1956 гг. работал в Институте востоковедения АН СССР.

⁴ Селищев Афанасий Матвеевич (1886–1942) — филолог-славист. Член-корреспондент АН СССР (1929) и БАН (1930). В 1922–1931 гг. — профессор Московского университета. Расторгуев Павел Андреевич (1881–1959) — лингвист, диалектолог. С 1917 — профессор МГУ и других вузов. О Галанине нам ничего не известно.

⁵ Жирков Лев Иванович (1885–1963) — советский языковед. Занимался кавказскими (преимущественно дагестанскими) и иранскими языками.

⁶ Чемазиков Бетал Аюбович — лингвист, ученик Н. Ф. Яковлева.

ния. Я должен сказать, что в смысле практической реализации дело обстоит не так блестяще, как в Ленинграде. Нет у нас специальной базы, как при геофаке, для начала работы студентов. Затем кредитование на летнюю полевую практику еще не совсем налажено, мы не всегда получаем достаточно средств, чтобы должным образом провести эти экспедиции. Самая подготовка к экспедициям не была до сего времени должным образом поставлена, поскольку мы всего два года как ее проводим. Это является нашей очередной задачей, и я надеюсь, это будет отражено в конференции. Для того чтобы эта сфера была достаточно обеспечена, нам нужны ассигнования. Остальные вопросы относятся как будто бы к тов. Кошкину.

Относительно того, как увязано преподавание этнографии с марксизмом, в этом смысле чисто марксистских сил пока на факультете нет. Они только готовятся в том институте, который является нашей опорной базой, с которой мы тесно связаны.

Распределение представлено таким образом, что общая этнология находится в руках проф. Преображенского, специальную этнологию ведет главным образом проф. Максимов: тюркских, финских народов и кавказских. В помощь к нему является проф. В. К. Никольский, ведущий семинарий по этнологии, и еще один сотрудник Института истории РАНИОН тов. Пасьян¹. В известных случаях к этнографии привлечены и более молодые наши товарищи. Так, например, тов. Маркелов в этом году привлечен по финно-угорской этнографии. Работа в дальнейшем будет пополняться в этом направлении.

Затем другой большой вопрос — относительно параллелизма.

(л. 472) Параллелизма нет. Вы помните, как я вам говорил в прошлом году на этнографическом цикле биологического отделения? Вы видите, как это сложилось, и если взять учебный план, то как там представлена этнография? Там идет установка биологического порядка. Начиная только со 2-го курса вводятся только первые предметы, которые могут быть отнесены к разряду этнографических, — это сравнительное народоведение. Со 2-го курса там существует практикум по специальной этнографии. На 3-м курсе существует на физмате практика народоведения (по 6 часов), остальное относится к этнографии, на 4-м курсе — систематика рас, и народоведение со специальной практикой по народоведению (4 часа), и введение в языковедение. Меня московские товарищи поправят, если я что-нибудь пропустил. Я хочу дополнить (л. 473) <...> таково положение дел на физмате. Специального отделения нет. Есть только антропологический цикл, на котором существует в виде известной специальности, в перечисленных мною пределах, преподавание этнографии.

¹ Пасьян/Касьян. Личность установить не удалось.

Еще вопрос тов. Яковлева: «Сколько в среднем должен студент сдать зачетов?» До нынешнего года программа была сильно обременена количеством зачетов. Их было от 32 до 35. Вспоминая еще вопрос тов. Преображенского, должен сказать, что у нас студенты справились со своим делом в течение 4-х лет и выпуск нынешнего года идет нормальным порядком. Присутствующие здесь товарищи подтвердят, что они намерены в этом году окончить, хотя бы без дипломной работы.

В этом году пересматривали учебный план и в значительной степени сократили количество предметов, подлежащих зачету. Я думаю, что максимальное количество зачетов не превышает 25.

Кошкин

Я разрешу себе остановиться на тех вопросах, которые представляют всеобщий интерес. По некоторым вопросам товарищи могут со мной договориться частным образом, я не откажусь на них ответить. На всех вопросах я не могу останавливаться, так как их у меня 56 и это потребует много времени для ответа.

Первый вопрос тов. Ильина: «Как работают наши сравнительно молодые циклы: палеоазиатский, тунгусский и иранский?»

Эти циклы — наша гордость в том смысле, что нигде палеоазиатская этнография, так же как и тунгусский язык, и этнография, не преподаются. Они у нас работают достаточно интенсивно и являются стержневыми циклами нашего отделения. Работу на этих циклах ведет Вл[адимир] Германович. Иранская кафедра была в прошлом году слаба, но сейчас мы привлекли (л. 474) новых лиц из Средней Азии и таким образом усилили этот цикл.

Какие народности у нас представлены?

К сожалению, я не могу дать ответа, так как статистика у нас ведется в факультетском масштабе. По отделениям же выяснение потребует нескольких дней.

Нет ли утечки среди студентов?

Такой, которая бы не возмещалась приходом с других отделений, нет. Обычно, если у нас прием равен 35, то в году оказывается 40 или 43 человека. Флюктуация есть, главным образом уходят на факультет советского права, но зато с ямфака¹, приходят к нам и из других вузов, в частности с Герценовского, так что число переводных превышает число уходящих.

У нас преобладают специальности: советское строительство, краеведческое и музееведческое.

Процент женщин: у нас всего на 1 апреля — 199 чел. Из них женщин — 101 чел.

¹ Ямфак — факультет языкознания и материальной культуры. Существовал в ЛГУ с 1925 по 1929 г. Преобразован в историко-лингвистический факультет.

Укажу цифру окончивших этнографическое отделение: в 1924 г. — 4, в [19]25 г. — 33, в [19]26 — 34. Следовательно, всего без защиты дипломных работ — 71 человек. В [19]27г. — 3, в [19]27 г. — 7 чел. 10 человек, защитивших дипломные проекты. Некоторая задержка с дипломными работами у нас есть. На 4-м курсе 70 с лишним человек, и дипломные проекты сравнительно медленно подвигаются вперед. Это объясняется тем, что мы предъявляем сравнительно большие требования, поэтому студенты хотят как следует подготовиться, чтобы не получилось каких-нибудь недоразумений.

Есть ли связь с московским этнографическим факультетом и Институтом этнических культур.

Такой связи нет, и на этом совещании целесообразно ее установить.

Какие взаимоотношения, у нас с отделением нацменьшинств Педагогического института им. Герцена?

Параллелизма никакого нет, потому что то — Педаг[огический] инстит[ут], а мы педагогов не готовим. Наши преподаватели работают (л. 475) и там, но в другом разрезе.

Из преподавателей яфетодологии у нас: Орбели, Генко, Дондуа и Франк-[Ка]менецкий¹.

Относительно мировой этнографии, то есть тех этнических групп, которые не представлены у нас в Союзе. Этой этнографии у нас не было в прошлые годы, но в этом году мы в новый учебный план, который сейчас заканчивается, предполагаем ввести факультативный курс по таким этническим группам, которые распространены вне нашего Союза, скажем австралийская этнография и т.д. Но устраивать цикл таких групп мы не считаем возможным из-за отсутствия преподавателей и по практическому значению, которое этот цикл будет иметь.

Во сколько лет фактически студенты кончают, если считать дипломные проекты? На составление и проработку проекта отведено от 1 до 2 лет. Следовательно, кончает студент в 6–7 лет с дипломным проектом. Некоторые ухитряются протянуть еще дольше, но средняя норма такая.

Методология этнографического обучения не поставлена, потому что нет соответствующих преподавателей.

О лабораториях по полевой работе.

У нас имеется специальный семинарий по полевой работе и практические занятия с инструкционным курсом, где студент получает практиче-

¹ Орбели Иосиф Абгарович (1887–1961) — востоковед и общественный деятель, академик АН СССР (1935), в 1934–1951 гг. — директор Эрмитажа. Генко Анатолий Несторович (1896–1941) — языковед, кавказовед, историк, этнограф, ученик Н. Я. Марра. Дондуа Карпез Дариспанович (1891–1951) — языковед, кавказовед, заведующий кафедрой кавказской филологии ЛГУ, ученик Н. Я. Марра. Франк-Каменецкий Израиль Григорьевич (1880–1937) — востоковед и историк литературы.

ские указания по методам полевой работы. После приезда из поля материал в семинарии обрабатывают и рассматривают, как подошел студент с методической стороны к объяснению тех или других этнографических явлений.

Что касается киносъемок, то здесь недоразумение. В новый учебный план мы киносъемочный отдел включаем. Но пока мы еще не можем сказать, в какой степени это будет сделано. Кое-что, я думаю, все-таки удастся сделать, и тогда мы своим опытом поделимся с москвичами.

Вот приблизительно те вопросы, которые имеют общий интерес. Что касается преподавания, то оно у нас ведется (л. 476) на русском языке. Мы еще не дошли до того, чтобы вести университетское преподавание на специальном, местном языке.

Почему мы находимся на географическом факультете, а не на ямфаке? Во-первых, это исторический факт, потому что этнографическое отделение возникло в Географическом институте. Во-вторых, нас связывает общая летняя станция, где мы можем ставить свою полевую работу соответствующим порядком, а также и то обстоятельство, что мы ведем весь географический факультет за собой, и если мы уйдем, то он будет хуже, чем сейчас. А в-третьих (это моя личная генеральная линия), все историческое–географическое образование должно быть объединено. В дальнейшем должен быть какой-то историко-географический факультет. Дискуссировать мы этот вопрос не будем, потому что, повторяю, это мое личное мнение.

Вопрос о[б] империализме.

Империализм проходится у нас совместно с политэкономией. Что касается истории, то у нас история только России.

Яковлев

Какое количество зачетов нужно сдать студенту?

Кошкин

Я думаю, что если не считать зачетов по отдельным практикумам, то количество теоретических зачетов доходит до 40.

(л. 477) **Толстов**

Дело в том, что, как говорил тов. Сергиевский, историческое положение сложилось так, что в Москве лишь с 1924 г. этнография преподавалась на этнографическом цикле. Поэтому студенты, поступившие до этого года, специализировались на физмате в области этнографии. Теоретическая часть там поставлена достаточно узко, и все те, кто сейчас работает (а уже имеется целый ряд окончивших студентов) в качестве научных работников, вынуждены дополнить свое образование самостоятельной работой, и лишь при этом можно считать достаточной их теоретическую подготовку. С другой стороны, мы имеем достаточно хорошую постановку полевой работы,

в которую студенчество втягивается очень рано и проходит ее в течение всего курса обучения. До настоящего времени в качестве практических работников по линии этнографов-полевиков цикл антропологии готовит работников, которые могут конкурировать с работниками этнографического цикла. Сейчас, последний год, нами особенно четко ставится вопрос об искоренении параллелизма. Последний учебный план, утвержденный в [19]27 г., сильно объединил преподавание. Тот этнографический уклон, который существовал до [19]26 г., был закрыт, и антропологи специализируются главным образом в области антропологии. Некоторые расовые антропологи специализируются в области этнографии. Последний проект плана, который сейчас утверждается, и все идеи, которые вкладываются в представление предметной комиссии, заключаются в изжитии существующего параллелизма. Этнография на нашем цикле рассматривается как предмет вспомогательный, совершенно, правда, необходимый для этнографа, но на нашем цикле вспомогательный, потому что вместо этнографов готовят антропологов с уклоном в области расовой антропологии. Таким образом, мы окончательно избавимся от того, чтобы ставить вопрос о каком-либо параллелизме. Непременным для этого условием будет то, если этнограф достаточно разовьет полевую практику у себя, потому что, несмотря на то что у нас преподавание сильно сужено, спрос в экспедициях и в музейных учреждениях на этнографов-музееведчиков и полевиков покрывается продукцией нашего цикла и даже еще не окончившими нашими студентами. Чтобы этот параллелизм изжить, чтобы жизнь не ставляла антропологов (л. 478) углубляться в область этнографии, надо, чтобы полевая работа на этнофаке была поставлена должным образом.

Председатель

Президиум предлагает сейчас же ограничить выступление 5-ю минутами, ибо должен еще выступить целый ряд ораторов, иначе нам сегодня не окончить. (*Голосование.*) Кто против перехода на пятиминутный срок, прошу поднять руку. 19 — против, кто — за? Большинство за ограничение выступления пятиминутным сроком. Слово предоставляется тов. Ильину.

(л. 479) Ильин

Общее впечатление от докладов у меня удовлетворительное. Но все же я заметил в них кое-какие недостатки. Из указанных цифр выяснилось, что выпуски дают солидное количество, но в докладах не было уделено достаточно внимания дальнейшему выдвижению студентов в качестве научных работников и аспирантов. Не было также сказано о дипломной теме. Дело в том, что замечается среди студентов чрезмерное увлечение вопросами мирового масштаба и отлынивание от тем краеведного характера. По-моему, в резолюциях нужно отметить, чтобы дипломные работы были

на краеведные темы. Иначе мы не способны будем изучать наш край. Затем вопрос о необходимости комплектования наших факультетов литературой краеведной как на русском, так и на родном языке. Пока в ней ощущается большой недостаток.

Затем в докладах не было уделено достаточного внимания связи с филиалами. Я высказываюсь за необходимость сохранения при краевых вузах этнографических национальных отделений.

Не мешало бы в докладах также сказать о чрезмерном совместительстве преподавателей. У нас очень часты явления, когда преподаватели бегают из учреждения в учреждение, высунув язык. Я считаю, что в докладах большим недостатком является отсутствие плана спайки с местными учреждениями. Очень отраднo было слышать, что на этнофаках есть по 5–6 специальностей: краеведческая, музейная, полевая и т.д. Но для каждого края, для каждой национальности запросы в работниках различны. Эти конкретные запросы национальных областей нужно учесть и в связи с этим строить программу и плановые задания выпуска этих этнофакультетов. В резолюциях это нужно отметить, иначе мы будем иметь выпуски работников не тех, которые нужны.

(л. 480) [Неизвестный оратор]

Разрешите мне товарищи коснуться нескольких вопросов, на мой взгляд, очень важных. Первый вопрос — это об этнографическом образовании. Вопросы, которых я коснусь, уже получили некоторое освещение у предыдущего оратора. Тов. Ильин много говорил об удовлетворительности этнографического образования, когда наши теоретические и практические предметы, проработанные в учебном плане этнографического отделения, строго увязаны с практическими нуждами строительства национальных республик. Нужно добавить, что необходимым условием хорошей постановки работы является живая связь с местами, с национальными республиками и областями. Если мы с этой точки зрения посмотрим на постановку образования, скажем, в Москве на этнофаке, то можно констатировать такое положение. До последнего времени, в продолжение трех предшествующих лет существования отделения, такой живой связи не было. Отсюда проистекал целый ряд некоторых неудовлетворительных явлений, на которых я останавливаться не буду, но которые до некоторой степени будут освещены некоторыми товарищами, которые будут выступать от 1-го Московского университета. Сейчас, смотря на нашу конференцию, я все-таки в связи с этими вопросами, которые здесь ставились, должен указать, что был упущен один большой вопрос.

Почему здесь не присутствуют представители хотя бы из центральных учреждений, которые находятся в Москве и которые связаны с работой национальных областей и республик? Это надо было учесть Президиуму

или оргбюро конференции, чтобы вопросы строительства национальной культуры и советской культуры прорабатывались музейными работниками совместно и при ближайшем участии представителей вышеупомянутых учреждений.

Теперь несколько подробнее расскажу, как обстоял этот вопрос на этнофаке. До последней зимы можно сказать, что такой связи у нас совсем не было. Теперь в этом отношении приняты шаги такого рода. Разосланы списки на места с разъяснением задач и целей этнографического отделения. Эти письма сопровождаются просьбой дать нашим студентам-этнографам практику на местах.

(л. 481) Теперь перехожу к другому вопросу. Вопрос о практике является чрезвычайно большим вопросом в курсе 1-го МГУ. Наш докладчик касался этого вопроса, но он освещал этот вопрос в такой перспективе. У нас образование строилось на таком основании, что практика являлась органической частью этнографического образования. По плану это было так, но на самом деле дело обстоит очень скверно. В плане говорится, что летом студенты первого курса отбывают практику в музеях. До сих пор на практике этого не было. Но и на 2-м курсе практики в этнографическом смысле не было. Практика у нас вылилась в то, что в прошлом году было организовано 3 экспедиции и человек 6–8 поехало в Туркестан, на Кавказ и Поволжье. Эта экспедиция была такова, что студенты провели там 2–3 недели и ничего от практики не получили. Это проистекает не по вине наших руководителей, а из-за недостатка материальной увязки, у нас совершенно нет никаких средств. Вопрос практики для нас является важным вопросом, и мы с полным правом ставим его перед конференцией и требуем, чтобы этот вопрос был бы для нас разрешен, иначе никаких этнографов быть не может, потому что без практики этнограф — просто начетчик.

Теперь по вопросу о комплектовании. Докладчик здесь подчеркивал, что основные кадры студентов должен вербоваться из национальных меньшинств — это совершенно правильно, и студенты МГУ в прошлом году ходатайствовали перед Главпрофобром об увеличении комплектования. Но у нас, в МГУ, наблюдается на этнофаке такое явление. На этнофак идут те, которые не могут попасть на медицинский или агрономический факультеты. Этнофак — это нечто вроде мусорного ящика. Отсюда, товарищи, наблюдается целый ряд явлений. Наше студенчество в большинстве случаев, процентов 50, попадает сюда совершенно случайно, совершенно не интересуясь этнографией и совершенно не интересуясь делом поднятия национальной культуры. С этим злом надо покончить, и конференция должна в этом смысле сказать свое веское слово.

Теперь коснусь вопроса о целевой установке отделения. У нас целевая установка мыслится в таком общем контуре. Надо твердо знать, кого гото-

вит этнографическое отделение, кем будет работать тот или иной студент по окончании. Мы знаем такие линии: музейевед, краевед, (л. 482), административные работники и работники по культурному просвещению. Это слишком общо. Такие культурно-просветительные работники должны, например, обслуживать различные отрасли Наркомпроса, Соцвос¹, Профобр, музеи в центре и на местах. Список получается слишком общий. Мы требуем от конференции твердых норм, кого и как готовить, и исходя из этого должны составляться учебные планы. Учебный план должен включать в себя, в свои рамки специальные предметы, чтобы выходили не этнографы вообще, а такие, которые могли бы применяться к современным условиям, чтобы это были будущие экономисты, статистики, педагоги. Но вопрос этот должен получить твердое и четкое разрешение.

Товарищи, я не касаюсь здесь целого ряда других вопросов. Надеюсь, что они будут освещены другими выступающими товарищами.

Председатель

Слово предоставляется тов. Яковлеву. Следующий Калошкин².

(л. 483) Яковлев

Товарищи, я все-таки предпочту извлечь бревно из своего глаза, чем видеть сучки в чужих глазах. Конечно, если сравнить то, что имеется у нас в Союзе в области вузовского строительства, с тем, что имеется и имелось недавно за границей, то надо констатировать, что у нас дело поставлено не хуже, а лучше. Приведу пример.

Во время моей заграничной поездки я разговорился по душам в Гамбургском университете, занимающимся специально языками. Выяснилось, что этот университет создали обманом. Гамбургские купцы давали деньги с тем условием, что будут строить практический институт. Профессора согласились, собрали деньги и выстроили университет.

Конечно, это не может идти ни в какое сравнение с тем, что делается у нас. Нам прямо говорят: «Стройте университет для обслуживания национальностей».

Но, как у нас часто бывает, вновь построенный дом, только что сохший, дает трещину. Так и в этом случае. Мне кажется, что у нас не все благополучно в смысле постройки.

Я не знаю, с чего начать, с Москвы или Ленинграда. Дело в том, что у нас создается такое положение: когда начинают ругать Москву, появляется улыбка на лицах ленинградцев, и наоборот. Я бы, пожалуй, предпочел анонимный метод.

¹ Соцвос — отдел социального воспитания.

² Видимо, имеется в виду Кошкин.

И так в городе N существует этнологический факультет. На этом факультете весьма широко представлена теоретическая часть. Но если мы подойдем к вопросам практики на этом факультете, то тут надо сказать, дело совсем не благополучно. У нас в газете писали о случае, когда киноэкспедиция поехала снимать в Чечню, а попала в Осетию. Нечто подобное происходило и здесь. Поехали специалисты в Кабарду, а попали <нрзб.> и работали там.

Затем неблагополучно дело в отношении языковедения. Языковедение не имеет общего курса, не имеет никакой связи со специальными языками, и потом приходится обучать (л. 484) студентов транскрипции, то есть записи текстов, на примерах русского языка, русской транскрипции. Я глубоко сомневаюсь, чтобы русская транскрипция сколько-нибудь помогала записывать потом чукотский или кавказский текст.

Если перейдем к другому городу, то тут оказывается наоборот: весьма хорошо поставлена практика, дается хорошее знакомство с конкретными фактами, а в отношении теории проводится принцип: если у нас нет хорошо подготовленного человека, то мы курса не ставим. Это, пожалуй, и верно. В этом городе создалось такое положение, что в строительстве участвуют старые люди, но с очень молодым сердцем. И это помогает им вместе с молодежью подходить непосредственно к фактам.

Тут есть еще один плюс, а именно — уклоны носят совершенно практический характер: антирелигиозный уклон, педагогический. Тогда как в другом городе у студентов происходит некоторая путаница. Они думают, что по окончании университета сразу будут научными работниками. Здесь же выпускают педагогов, которые будут работать на местах, выпускают участников советского строительства и т.д. Это второе, мне кажется, более правильно.

Но, конечно, и здесь есть свои минусы. Нас, москвичей, удивляет, что в Ленинграде, где находится центр нового языковедения, яфетодологической теории, нет никакого отображения этой теории. Здесь, так же как и в Москве, существует обучение транскрипции на материалах русского языка.

Богораз

латинского языка...

Яковлев

Теперь мне хочется перейти к вопросам, которые особенно волнуют наших студентов.

Во-первых, о введении марксистского метода в специальные науки. Как в Ленинграде, так и в Москве чрезвычайно разнообразен и богат полтиминимум. Но нет органической увязки общественных наук со специ-

альными дисциплинами. Правда, у нас общий курс этнологии читает П[етр] Ф[едорович] Преображенский, который считается марксистом, но вся беда в том, (л. 485) что в последнее время авторитет П[етра] Ф[едоровича] в области марксизма сильно оспаривается. Таким образом, остается полная несвязанность теоретической стороны с практикой, которая дает возможность некоторым студентам говорить: Ну вот мы убили¹ марксизм как некоторое богословие, а теперь перейдем к своим этнографическим дисциплинам. Я считаю, что программа этнологических предметов должна быть пересмотрена, и перестроена по следующим принципам: во-первых, необходимо давать специальные курсы доклассовых, раннеклассовых общественных формаций, так как политминимум курса строится на материалах капиталистических формаций. Во-вторых, нужно ввести курс по истории отдельных обществ и территориальных групп обществ, марксистски построенный. В-третьих, нужно строить курс по отдельным рядам развития, напр[имер] история языка или история религии и т.д.

Затем необходимо ввести уклоны по практическим признакам: антирелигиозный, педагогический, советского строительства и т.д. Мне кажется, что если мы с этой точки зрения пересмотрим, перестроим программу, то у нас действительно получится введение марксистского метода в специальные науки.

Теперь перейдем к следующему вопросу, волнующему студенчество, — это вопрос о многопредметности, лекционном методе и, в частности, о выборе цикла.

Надо сказать, что когда попадают в университет, на наш факультет, то попадают как бы в мусорный ящик. (Конечно, ящик не мусорный, но так построен, что похож на него, и по ошибке мусор попадает.) Студенты являются на этнологический факультет, год слушают общие дисциплины, а в один прекрасный день сваливается гроза: извольте выбрать цикл. И тут сказываются самые разнообразные вкусы. Некоторые выбирают Кавказ, так как там климат лучше и фруктов много и т.д. Потом говорят, что попали случайно. Нужно определенно ввести в программу пропедевтику к выбору курса. Должен же студент на основании чего-то разобраться в этом выборе. Может быть, даже надо провести специальный подготовительный курс, (л. 486) по окончании которого студент мог бы выбирать.

Теперь относительно многопредметности. Тут уже говорилось о том, что в Москве число зачетов достигает 32–35, а в Ленинграде и того больше. Я не знаю, может быть, здесь зачеты носят несколько иной характер, но, конечно, метод зачетов сам по себе — метод плохой. У нас шел разговор о том, чтобы за[с]читывать на основании работы в течение года, а не на основании зачетов или экзаменов. С многопредметностью надо бороться.

¹ По-видимому, опечатка, имеется в виду «учили».

Мало того, что учиться трудно, но многопредметность разбивает внимание учащихся. Уменьшение количества предметов увеличит качество усвояемости материала.

Теперь о лекционном методе. Я должен сказать, что тот хороший лекционный метод, о котором говорил докладчик, хорош именно тем, что он не лекционный. Мне кажется, что необходимо сократить чисто лекционное изложение и уделить время для комбинирования лекционного изложения с лабораторной проработкой. Конечно, вопрос этот чрезвычайно сложный, и останавливаться на нем подробно невозможно. Но мне думается, что правильного построения этнологических факультетов мы достигнем при следующих условиях. Во-первых, при коренном пересмотре и перестройке программ, во-вторых, при уменьшении числа предметов и, в-третьих, при разработке самого метода работы. При этом конечно, нужно сказать, что только непосредственное знакомство с фактами, которое дается практическим направлением, имеющимся здесь, в Ленинграде, и у нас в антропологическом отделении, поможет нам достичь нужных результатов.

Здесь жалуются, что на этнофаки идут люди, никуда не годные, никуда не попали и идут сюда. Считают это виной Главпрофобра и Совета нацменьшинств. Дорогие товарищи, пока вы не устроите этнофак как следует, туда пойдут случайные люди. Кто же пойдет в дом, который весь в трещинах?

(л. 487) Богораз-Тан

Я начну с того, что внесу две справки. У нас обучение языкознанию происходит в латинской транскрипции, а почему товарищи ко мне привязали яфетидологию — я не знаю. Я идее вполне сочувствую, но у нас специальный курс, так что у нас нет яфетидологии. Это явление историческое. Мы были учреждением слишком скромным и бедным, чтобы обеспечить преподавание яфетидологии. Но мы ее желаем иметь.

Большой части идей, которые развивали предыдущие докладчики, мы вполне сочувствуем.

Теперь по вопросу о зачетах. Я лично зачетам большого значения не придаю. Мы строим наше преподавание на семинарском методе. Что касается лекционного метода, то мы его мало придерживаемся. Мой лекционный метод собственно и не похож на обыкновенный лекционный метод. Студент стоит у доски, и он читает лекцию, а я в этом принимаю участие. Это симбиоз.

Я уже говорил, что мы были учреждением чрезвычайно бедным и скромным, и эта истина чрезвычайно для нас ощутительна. Мы росли постепенно (хотя и сравнительно быстро), и при всех наших завоеваниях мы на каждом шагу сталкивались с большими затруднениями, и эти завоевания

нам стоили большой борьбы. Между прочим, Ян Петрович Яковлев¹ говорил здесь о лекциях, с которых мы начали.

Это были легальные и полулегальные лекции по этнографии для рабочих и студентов, которые велись за Невской заставой, а перед революцией полулегально велись проф. Штернбергом, который является основателем этого отделения. Потом я к нему присоединился, и мы повезли этот воз вдвоем. Теперь наша судьба еще не сладкая.

Возьмем наше преподавание в институте именно с точки зрения помещения. Наше помещение — нечто прямо ужасное, нечто невообразимое. При 8 лекциях у нас есть 8 кабинетов, а для них есть только 2 комнаты, и количество циклов все растет. У нас есть циклы полукомнатные и угловые.

(л. 488) Посмотрите на наши циклы. Они все растут. Циклы эти с большим количеством диаграмм, подобных палеонтологическим рисункам в пещерах, где диаграммы лежат друг на друге, и из этого невозможно выбраться. Каждый год мы ищем выхода, мы бросаемся в какие-то двери, мы их не можем открыть, мы все ищем того Сезама, который бы их для нас открыл.

Точно так же и вопрос о нашем существовании. В первые годы все это началось. Нас хотели переводить.

И последний вопрос: почему мы не на ямфаке? Это «последняя туча рассеянной бури». Мы уже теперь чувствуем себя хорошо, мы стоим на собственном месте и хотим на нем стоять. Мы чувствуем, что можем и дальше расти. Мы ведем географический факультет, мы ведем его к хорошему, мы его ведем к росту, к усложнению, мы приступили к новым методам работы.

Возьмите нашу полевую этнографию. Мы полевую практику не сразу имели. До той дотации, которую мы получили от СНК, сначала 2 тыс., потом 3 тыс., а затем и 5 тыс. вследствие хороших результатов, до этого мы ходили по разным учреждениям с протянутой рукой. Ходили мы и в Центросоюз, и в Севзапсоюз, получали мы и деньгами, и вещами. Первые наши студенты это помнят. Здесь есть студенты, которым мы дали из Зимнего дворца по красному фракку и по горсти бус. И вот с таким багажом люди ехали в провинцию. Первая группа пошла пешком из Ленинграда. Она пошла за 360 верст на Ловозеро. Вышли они пешком с одной из станций Мурманской железной дороги и несли на себе в течение 5 дней полтора пуда груза. Одним это прошло безнаказанно, а другие (речь шла о девушке) получили склонность к туберкулезу. Но что делать, без борьбы ничего не добьешься.

¹ По всей видимости, Богораз упоминает о Николае Феофановиче Яковлеве или о Яне Петровиче Кошкине.

Теперь если взять вопрос о музеях. Мы строим преподавание на музейной практике. Мы ее поставили с огромным трудом. Каждый шаг нам давался с боем. Надо было бороться не только с общим настроением, но и со сторожами. В течение года мы были париями, мы едва были терпимы. Теперь мы занимаем в музеях определенное место. Но тогда, чтобы провести в музей молодежь, надо было схватывать за горло, (л. 489) чтобы провести ее ассистентами в музей. В конце концов мы провели нашу молодежь ассистентами фуксом в виде сторожей, и они и получали содержание сторожей. И после годовичного полусторожевого стажа они прошли, наконец, в научный состав. У нас были ассистенты, получавшие 8, 12 и 20 рублей в месяц. Если взять наших преподавателей, то для них и содержание в 65 рубл[ей] в месяц является большим обеспечением. У нас есть сколько угодно молодых ассистентов, начинающих с 25–30 р[ублей] в месяц, потому что наша одежда тесна и мы, по пословице, должны корчить ножки, чтобы не вылезти из одежды. Я помню первую нашу экспедицию, которую мы устраивали в составе этого Института для изучения Севера — этот Институт для изучения Севера, куда мы вошли при самом его основании, институт, который прославился тем, что его председатель Самойлович¹ сделал знаменитую экспедицию, чтобы спасти остаток экспедиции Нобеля, и который сейчас получил широкую известность. Мы там плавали и там получили остатки от английской интервенции, получили сало, английский маис, муку и даже штаны. Первая наша прозодежда была английская, оставшаяся от интервенции. Так как мы, этнографы, сторонники натурального хозяйства, это было натуральное хозяйство нашей полевой этнографии. Надо сказать, что мы в этом отношении были пионерами. Но были пионерами и в отношении первых полевых работ. Я вас спрошу, много ли было известно исследований о русской деревне, об ее переходе от старого к новому быту? Вы себе представляете, что такое строение нового быта в деревне? Мы в этом отношении сделали целый ряд исследований, и могу сказать, что теперь уже многое в этом отношении сделано. Но мы были, я опять-таки повторяю, пионерами. Мы издали ряд сборников, которые приняты в методологической проработке этого вопроса². После того как

¹ Институт по изучению Севера основан в 1920 г. как Северная экспедиция Научно-технического отдела ВСНХ. Данное название носил с 1925 г. В настоящее время — Арктический и антарктический научно-исследовательский институт.

Самойлович Рудольф (Рувим) Лазаревич (1881–1939) — советский полярный исследователь, профессор (1928), доктор географических наук (1934). Начальник экспедиции на ледоколе «Красин» по спасению потерпевшего в Арктике аварию итальянского дирижабля «Италия», совершавшего полет к Северному полюсу под командованием Умберто Нобиле (1928). Репрессирован.

² Видимо, имеются в виду следующие сборники статей: «Старый и новый быт» (Л., 1924), «Обновленная деревня» (Л., 1925), «Революция в деревне» (Л., 1925. Ч. I; 1926. Ч. II), «Комсомол в деревне» (Л., 1926), «Еврейское местечко» (Л., 1926).

это стало общепринятым, мы перешли дальше от русских областей, мы перешли в область туземную и достигли Сахалина, Камчатки и Чукотского Носа. Мы и сейчас производим там 5/7 или 4/7 нашей работы.

Точно также вопрос о разрядах. Мы начинали преподавание вдвоем.

(л. 490) Мне приходилось и сейчас приходится читать 16 часов и получать за 6 часов. Мне говорили, что я занимаюсь этнографией за деньги. Дело не в деньгах. Я не за деньги занимаюсь этнографией. У нас принято таким образом. Если нет оплаты, то курс передается старшему профессору, и он читает в порядке частного курса и бесплатно. Мы взяли определенный курс на молодежь, и мы сами себе готовим смену. Тов. Кошкин, который вчера читал такой обстоятельный доклад, является учеником Льва Яковлевича Штернберга. Это наши дети, и мы для них являемся или стараемся явиться настоящими духовными отцами и учителями. И здесь опять-таки пришлось выдержать борьбу. Говорили: разве можно поручать молодым людям двигать науку, а не профессорам с определенным научным весом? А мы делали ставку на молодежь. Нам возражали: у них нет печатных работ. Но и в наших печатных издательствах мы ставим ставку на молодежь. У нас есть журналы, издаваемые студентами, и ассистентские сборники. Именно молодежь должна писать, их надо заставить писать, их надо вытащить, соблазнить и научить писать. Все это мы создаем. Мы открываем новые курсы, когда есть силы. Мы стараемся вопросы религии проводить в семинариях. У нас есть особые семинарии об исламе, о православии, хотели вести семинарий по шаманству, но не нашли преподавателя. Я не буду всего рассказывать. У нас было два шаманских кружка на фак[ультет]е: один — для изучения шаманства, а другой — для борьбы с шаманством. Эти кружки до некоторой степени являлись конкурентами. Но оба кружка мирно уживались друг с другом. Один кружок стремился изучить шаманство, а другой старался довести шаманов до отказа от шаманства и местами этого и достиг.

Я упоминал о севфаке. Это наше детище, наше создание, наша гордость. Такого северного цикла нигде не существует во всем мире.

Нас дальше спрашивали, есть ли у нас национальное преподавание. Мы на национальных языках преподавание вести не можем, так как нет налицо состава национальных слушателей. Мы на места рассылали множество писем. Если мы в этом отношении результатов не добились, то это вина не только национальных меньшинств, но и Главпрофобра и Профобра.

(л. 491) Ведь количество людей, могущее попасть в университет, является весьма ограниченным. Они предпочитают идти в университет, а не на этнографическое отделение. Ведь, чтобы быть этнографом, надо быть энтузиастом. Перед заканчивающимися университет открываются такие широкие и заманчивые перспективы, что не удивительно, что народ туда

стремится. Чтобы быть этнографом, надо им родиться. Меня кто-то упрекнул в том, что я художник. Я не отказываюсь от своего художественного лица и от своего художественного метода. Если бы я был столяром, то я бы владел столярным методом. Сила перевоплощения дает возможность и студентам внушает желание взяться и нести в массы культуру и получать оттуда знание. Надо сказать, что мы с каждым годом растем и достигли как будто уже международной фазы своего развития. Когда я был за границей и когда я делал доклад о севфаке и об общем состоянии нашего отделения, то вывод был сделан в том смысле, чтобы мы сейчас же образовали Русско-Американский комитет, чтобы наши ассистенты ездили бы в Америку, а их ассистенты приезжали бы к нам. Севфак предъявил такие требования, что у нас рук не хватает. Где же ваши люди, спрашивают нас, чем вы хвастались? Но мы, к сожалению, учреждение скромное и полукустарного типа, у нас людей не хватает. Но мы должны развернуться. Мы кое-что уже выработали. 80 человек у нас работают на местах. Я предвижу в ближайшем будущем тот момент, когда мы будем организовывать вывоз молодых ученых, когда мы будем экспортировать русских этнографов в Патагонию, в Южную Америку и пр. Мы покажем за границей, как мы умеем работать. Одну экспедицию нам нужно поставить, и мы беремся ее поставить образцово. Нам придется работать на международном стаже. Такую экспедицию нам нужно организовать, чтобы удовлетворить спрос на новый метод точной научной исследовательской работы.

Теперь последнее слово о нашей увязке с провинцией. У нас в провинции работают 50 человек, и я бы мог процитировать их фамилии.

Дальше возникает вопрос о преподавании. Сколько лет должно вестись преподавание? Мы думаем, что 4–6 лет. Мы понимаем (л. 492) дело так. Для цикла северного мы допускаем 2–3 года. 2–3 года практики и возвращение сюда. За это приходится вести борьбу. А университет говорит: если ты студент, так учись. Как говорится в рассказе у Глеба Успенского: если ты портной, так выстрочи этот рукав. Мы же, этнографы, знаем, что этнографии учатся только из жизни, и когда наш студент с третьего курса возвращается с практики, а когда он ехал на практику, он был нечто вроде эмбриона, он возвращается взрослым человеком. Мы и на севфаке это делали, и студент всегда возвращается к нам с практики. Именно после третьего курса студент должен ехать на практику. Это то, что есть у американцев на заводе, у них там сначала идет учение на заводе, а потом опытное обучение. Эта работа и есть наша жизнь. Это дело нашей двойной жизни, моей и покойного моего друга и соратника Льва Яковлевича Штернберга. Это священный завет и наследие, которое мы от него получили. Эта работа, начатая 35–40 лет тому назад в ссылке на окраине старой рабской России и которая получила возможность осуществления в новом свободном Союзе Советских Социалистических Республик. (*Аплодисменты.*)

(л. 493) **Никольский** (внеочередное заявление)

Под живым впечатлением блестящего выступления уважаемого профессора В. Г. Богораза, живого символа единства революции и подлинной (без кавычек) этнологии, одного из самых старых и в то же время самых молодых среди присутствующих, я предложил бы вспомнить о его старшем друге и учителе, об одном из вождей ленинградской школы этнографов, покойном профессоре Штернберге. Я предложил бы обратиться к здесь присутствующей вдове покойного, с которой я имел счастье вчера познакомиться, с выражением нашего почтения и внимания, и выразить это внимание тем, что включить С. А. Штернберг¹ в состав Президиума нашего собрания. И еще одно маленькое предложение Вл[адимиру] Германовичу сказать хотя бы коротенькое слово воспоминания о покойном. (*Аплодисменты.*)

Худоложский²

Этнографическое образование в СССР — дело молодое, а потому страдает многими недостатками, о которых главным образом может говорить и говорит действительно заинтересованное студенчество, и поэтому я бы просил как московских, так и ленинградских студентов побольше высказываться по столь важному для нас вопросу. О недостатках как Ленинграда, так и Москвы достаточно подробно говорил тов. Яковлев. Я считаю действительным достижением Ленинграда то, что студенты чувствуют и видят практическое приложение в нашем советском строительстве. Если бы это привилось повсюду, этнография как специальность стала бы гораздо больше цениться в СССР.

Конференция должна точно указать номенклатуру специальностей с добавлением необходимых специальных предметов и указать, что нужно изменить в плане этнографического образования. Не думаю, чтобы в Ленинграде было действительно такое хорошее положение в смысле специальностей, как об этом говорили.

(л. 494) В Москве нужно ввести преподавание таких предметов, как топография и пр. такие штуки. С другой стороны, нужно изъять из наших учебных планов биологические и другие естественные дисциплины. С тем, что они имеют к нам отношение, никто не спорит, но включать их в план нельзя. У нас бывает, что антрополог оканчивает этнографическое отделение в 6–7 лет, и это идет за счет зоологии, которая требует от студента очень много времени. Я считаю, что нам нужно отказаться от таких вещей, как звездное небо и т.д. Этнография должна стать наукой социологической.

¹ Сара Аркадьевна Раттнер-Штернберг (1870–1942) — советский этнограф, музейвед, специалист по этнографии индейцев Северной Америки, супруга Л. Я. Штернберга.

² Личность установить не удалось.

Затем я хочу сказать, что не нужно перегибать палку и в отношении предметов, связывающих нас с советским строительством, в ущерб научной подготовке. Может получиться так, что мы станем экономистами-статистиками в большей степени, чем этнографами. С другой же стороны, это необходимо, потому что без этой работы невозможно привитие диалектического материализма.

Мы можем понять сущность диалектического материализма в этнологии только тогда, когда мы будем знать все прежние этнологические теории и их методологические несовершенства. Я думаю, что такие курсы, как история этнографии, история этнологических учений, марксистская философия, должны стать обязательным предметом в нашем учебном плане.

Наши учебные планы должны стать обязательными для всех этнографических отделений, они могут варьировать в зависимости от цикла, но общая принципиальная установка должна быть одна — социологическая. Учебный план должен быть построен так, чтобы предметы первого курса являлись основой для последующих курсов.

(л. 495) *Попов*¹

Я хочу остановиться на выступлении тов. Яковлева. Надо сказать, что наше этнографическое отделение при Московском университете существует 4 года. Ясно, что в связи с этим имеется много недочетов, которые со временем будут изжиты. Очень приятно было слышать от тов. Кошкина о тех достижениях, которые имеются на этнографическом отделении Ленинградского университета. Но дело не так уж скверно обстоит и у нас, как предполагают присутствующие здесь товарищи. Остановлюсь на некоторых моментах, освещенных товарищем Яковлевым, и притом освещенных неправильно. Он отметил, что у нас с преподаванием языковедения неблагополучно. Но передо мной лежит учебный план нашего отделения, где дисциплина языковедения представлена довольно богато — это во-первых. А во-вторых, он отмечает, что языковедение не связано фактически с языком, который проходится в цикле. В подтверждение моего мнения приведу учебный план третьего курса.

На первом курсе у нас имеются предметы: введение в языковедение, на втором курсе читаются предметы: введение в изучение народов и язык цикла. Следовательно, языковедение специально увязано как с общей теорией языка, так и с языком данной специальности — это во-первых. Во-вторых, здесь чрезвычайно много говорилось о многопредметности.

¹ Возможно, это сотрудник отдела этнографии Сибири *Андрей Александрович Попов*. По всей видимости, в стенограмме допущена опечатка, так как речь идет о Ленинградском университете, в котором в 1925 г. Географический институт был преобразован в географический факультет.

Передо мной лежит учебный план третьего курса. И если я попытаюсь что-нибудь выбросить из этого плана, то окажется, что ничего из него выбросить нельзя. Вот этот план: 1) история ВКП и история ленинизма, 2) этнография по районам: Поволжья, Среднеазиатского и т.д., 3) русская история до XIX столетия, 4) затем по циклам. Финский, вотский, зырянский, язык суоми. История русская <...>, восточная и финская, этнография финская, сравнительная грамматика. Выбросить из этого цикла какой-нибудь предмет затруднительно. Так же обстоит дело и с другими циклами. Тут возможна речь о более комплексном преподавании общих дисциплин. Но говорить о слишком большой многопредметности невозможно.

Затем я бы хотел остановиться на таком факте. Совершенно правильно указал Николай Феофанович, о том, что наш уклон недостаточно (л. 496) еще оформлен. У нас нет специального точного уклона по советскому строительству, краеведчеству, музееведению и т.д.

Я хотел обратить внимание конференции на следующий вопрос. Вопрос истории и языка играет чрезвычайно большую роль в практическом приложении работы этнографа и в педагогике. Необходимо высказать пожелание о том, чтобы на этнографическом отделении был бы педагогический уклон. Надо сказать, что местные уклоны занимаются сейчас совсем не научной деятельностью. Например, в ряде крупных изданий отдельных национальностей. В отношении истории дело обстоит еще хуже. Занимаются чем попало. Недавно вышла, в последние месяцы 1928 г., статья Мартянова по истории коми, где он пытается связать Комь с русскими вотчинами¹. Это не только указывает на отсутствие научного подхода, но я даже не знаю, как это квалифицировать. Поэтому в высшей степени необходимо на этнографическом отделении организовать специально педагогический уклон.

(л. 497) **Вартапетов**²

Я считаю, что специализация по уклонам советского строительства, существующим в Ленинградском университете, является наиболее правильной, так как она дает студентам возможность активно работать в деле культурного строительства национальных республик и областей, что является целевой установкой нашей программы.

Я не исключаю и другой специализации, имеющейся в Ленинградском университете, уклоны музееведческий, краеведческий и др[угие], перечисленные тов. Кошкиным. Но я думаю, что среди них есть много таких уклонов, которые создают тип узкого специалиста. Та сложная обстановка,

¹ Источник найти не удалось.

² Возможно, А. С. Вартапетов, автор статьи «Проблемы родового строя чеченцев и ингушей» (Советская этнография. 1932. № 4. С. 63–89).

которая существует в национальных республиках и областях, требует в значительной степени универсала. Я считаю, что в программе этнографического отделения Ленинградского университета можно отметить насыщенность специальными этнографическими предметами.

Мы считаем, что высококвалифицированного культурного работника нужно готовить не на одном только этнографическом материале. Мы на наших циклах даем исторические предметы, касающиеся той или другой этнической группы. Затем преподается фольклор, литература и целый ряд других специальных предметов. Мне могут сказать, что здесь есть распыленность, но я считаю эту точку зрения правильной.

Если мы возьмем историю той или другой этнической группы, то мы должны сказать, что ни один вуз не может как следует подготовить историка кавказских или финно-угорских народностей. Поскольку мы считаем этнологию исторической наукой, надо ее изучение углубить. Нужно дать и более углубленные знания по археологии, которая дополняет материал нашего общего исторического образования. Затем я обращаю внимание на значение лингвистики, которая у нас также преподается и которую нужно будет усилить.

(л. 498) Только при такой углубленной постановке мы будем иметь отделение, готовящее высококвалифицированных работников. То, что Вл[адимир] Герм[анович] говорил о плохих жилищных условиях, вполне применимо и к нам. Мы живем на задворках университета, в анатомическом корпусе. Аудитория этнофака находится рядом с трупами. Это тормозит работу. У нас есть этнографический кружок, но можем ли мы регулярно собираться, когда нет аудитории? Мы как-то пригласили проф. Никольского прочесть доклад, а через час приходит сторож и нас выгоняет.

Следующий важный вопрос — о необходимости на этнографическом отделении ввести курс яфетодологической теории. Наши студенты приходят к яфетодологии через головы профессоров.

Последний вопрос: мне кажется, я считаю, что между ЛГУ и МГУ можно установить некоторое разделение. Нельзя считать нормальным, существование двух кавказских циклов и т.д. Это слишком роскошно.

(л. 499) *Алексеев*¹

Я хочу сказать об усилении подготовки студентов по изучению европейских народностей в МГУ. У нас имеется, как сказано, 4 факультета: 1) восточный германский; 2) западнославянский; 3) финско-угорский и 4) тюркский. На основании существования такого цикла у нас мало обращают внимания на изучение тех народностей, которые живут в Сибири. Таким образом, будущая наша подготовка должна идти пока в этой области.

¹ Личность установить не удалось.

Здесь мы не должны винить кого-нибудь из преподавателей, потому что дело зависит от объективных условий. У нас нет таких преподавателей по таким предметам, которые могли бы подготовить студентов по изучению сибирских народностей. Благодаря этому мы не в состоянии в настоящее время открыть специальный цикл по изучению народностей Сибири. Я думаю, что мы должны обратить серьезное внимание на изучение народностей Сибири, хотя бы для этого открыть специальные предметы на этнографическом факультете, например по истории колонизации Сибири. Только таким образом мы можем действительно усиленно направить свое внимание на изучение сибирских народностей. Это тем более важно, что многие народности Сибири, как, например, чувашцы¹, совершенно вымерли в настоящее время, а другие народности, как юк[агиры], находятся на грани вымирания. На это нужно обратить внимание.

Теперь еще второй вопрос, на котором хочу остановиться, — это вопрос специализации. С этим вопросом у нас дело обстоит очень слабо, столь слабо, что некоторые профессора берут по 4–5 предметов: лингвистику, этнографию тюркских народностей и т.д. У нас нужно усилить проведение специализации в настоящий момент. У нас также нужно обратить внимание на привлечение специалистов-марксистов, не только знающих историю марксизма. Этого мало. А надо главным образом обратить внимание на специалистов, которые будут одновременно и марксистами, и специалистами. Если такой преподаватель будет только знать исторический материализм — этого еще недостаточно. На это надо обратить внимание.

Третий вопрос, на котором я остановлюсь, — это подготовка студентов по научно-исследовательской работе. Это вопрос сам по себе ясный и очевидный, и на него надо обратить внимание.

(л. 500) Это тем более важно, что мы, студенты, которые обучаемся на этнографическом отделении, мы будем вести полевые работы. Подготовка научных работников — специалистов по исследовательской работе совершенно необходима.

Остается вопрос о годичной практике. Нам кажется, что эту практику надо произвести после третьего курса, ибо у нас остается еще один год и у нас будет достаточно материала для проведения дипломной работы. Мы сможем этот материал проработать, пока мы будем на четвертом курсе. Итак, надо произвести годичную практику после третьего, а не после четвертого курса.

Последний вопрос — это высказанное К<...> пожелание относительно геофака, которое также приложимо и к этнофаку МГУ.

Затем нужно обратить внимание на увеличение экскурсионного фонда, надо обратить внимание на то, чтобы экскурсии готовились заранее,

¹ По-видимому, имеются в виду чуванцы, этническая группа на Чукотке.

надо привлекать туда представителей национальностей и провести контр-актацию.

(л. 501) **Максимов**

Я хотел бы сказать несколько слов по поводу Н. Ф. Яковлева, который меня в некотором отношении удивил. Он подверг этнографическое отделение МГУ очень резкой критике, сравнивая его со зданием, которое все в трещинах и куда добровольно никто не пойдет. Н[иколай] Ф[еофанович] сам состоит преподавателем этого факультета, сам является членом Совета, руководящего органа этого самого отделения. Он в Совете никогда не высказывал тех обвинений по поводу отделения, которые он нам здесь преподносил. Он жалуется на слабую марксистскую увязку. По правде сказать, я немножко не понимаю, причем здесь Н. Ф. Яковлев. Когда тов. Аптекарь говорил об этом, это естественно, потому что Аптекарь — сам марксист. Но когда Яковлев, отношение которого к марксизму мне абсолютно неизвестно, тоже начинает волноваться по этим вопросам, это мне непонятно.

Далее Н. Ф. Яковлев высказал целый ряд пожеланий насчет марксистской увязки, насчет лекционного метода, насчет пополнения курса такими предметами, как история языка, история религии и т.д. Почему он нам до сих пор в Совете этого никогда не высказывал или это появилось экспромтом только теперь?

Худо ли, хорошо ли наше отделение, но ответственность за него несет не только Максимов, Сергиевский и Преображенский, но в равной мере и Яковлев. На некоторые вещи Яковлев действительно наводил критику. Но он больше всего волновался, почему кавказское языкознание представляет собой доцентуру, а не профессуру, а насчет марксизма он в Совете голоса не поднимал.

Поэтому я повторяю, что все те обвинения, которые были высказаны Яковлевым насчет нашего отделения, в значительной степени, поскольку они справедливы, ложатся на него самого. Так что в данном случае Яковлев поступил вроде унтер-офицерской вдовы, которая (л. 502) сама себя высекла. Далее Яковлев выступал с критикой преподавания в Московском университете, а сам не позаботился познакомиться с тем, что там читается. Он говорил о курсе общий этнографии как курсе теоретическом, потому что он не имеет ни малейшего представления о том, что под этим курсом подразумевается. Курс этот читается три года, а он только теперь им заинтересовался. Затем Н[иколай] Ф[еофанович] вносит предложение о введении курса общего характера, вроде истории языка, религии и т.д., в то время как история религии и целый ряд аналогичных курсов у нас читаются.

Прежде чем выступать с критикой отделения, вам следовало бы с ним более полно ознакомиться.

Я гораздо более приветствую критику наших младших товарищей, студентов, критику, может быть, несколько суровую, но благожелательную и вполне деловую. Эту критику мы всячески приветствуем. Но против таких упреков, которые бросал отделению Яковлев, что это здание все в трещинах, куда никто не пойдет, я решительно протестую.

(л. 503) Председатель

Слово предоставляется тов. Крейновичу для заявления по личному вопросу.

Крейнович

Я хочу сказать, что во время вчерашних выступлений, моего и профессора Никольского, между нами, по-видимому, произошло какое-то недоразумение. Я извиняюсь перед профессором Никольским.

Яковлев (по личному вопросу)

Я с глубоким изумлением услышал здесь выступление профессора Максимова. Кстати, это первое выступление уважаемого профессора оказалось направленным к тому, чтобы свести к личным счетам то общественное дело, в котором мы все участвуем. В частности, мое выступление. Естественно, что это вызывает у меня чувство глубокого возмущения, но я не хочу придавать нашему заседанию неделовой характер и потому оставляю в стороне всякие личные выпады профессора Максимова и хочу дать несколько справок по поводу его заявлений. Во-первых, по поводу того, что я не критиковал работы отделения и не участвовал в этой работе. Я должен сказать, что в отделении и в деканате имеются документальные следы того, что я своевременно поднимал вопросы относительно замеченных недостатков в организации отделения и, так сказать, документально, в соответствующих заявлениях, эти свои взгляды зафиксировал.

Во-вторых, что касается того, что унтер-офицерская вдова сама себя высекала, я вполне принимаю это название, если его правильно истолковать. Ведь сейчас брошен лозунг самокритики, мы должны сами себя критиковать, и если я в этом смысле унтер-офицерская вдова, я согласен. Но я боюсь, что среди нас много унтер-офицерских вдов сидит, которые сами себя не секут, но которых следовало бы высечь. К числу их относится, может быть, и сам уважаемый профессор Максимов.

Затем здесь, в частности, говорилось о моем отношении к марксизму. Должен сказать, что марксистом я себя не называл. Но здесь обнаружилась полемика между марксистами и представителями других идеалистических направлений, и здесь, я думаю, не один я, а все мы видели, что, в сущности, только одна схема является устойчивой и позволяет нам разобраться в классификации науки и материала. Остальные (л. 504) схемы представляли собой хаос, над которым носился дух Божий. Я не виноват, что это так,

и пусть мне докажут, что другая схема более соответствует нашей научной потребности. И я и выбрал ту схему, которую предлагал тов. Аптекарь и которая соответствует нашей научной потребности. Если это марксистская схема — что же делать? Я должен согласиться, что она лучше всех других. Поэтому я совершенно искренне и без задних мыслей постарался уложить и в нее вложить построение преподавания на этнологическом факультете. Я думаю, что исполнил свой долг, если постарался претворить в жизнь то, что надлежало и кому надлежало это сделать.

В результате все-таки я прошу аудиторию извинить, что моя личность оказалась поводом для того, чтобы на конференции произошло совершенно неделовое, чисто личное выступление.

(л. 505) *Толстов*

Во-первых, я позволю себе поставить вопрос относительно общей установки преподавания на двух отделениях — этнографическом отделении Московского университета и Ленинградского.

Конечно, достижения практические, в смысле подготовки работников на этнографическом отделении ЛГУ, значительно большие, мы видим там чрезвычайно много таких сторон преподавания, на которых мы должны поучиться и которые мы, москвичи, должны заимствовать.

Тем не менее постановка преподавания на московском этнографическом факультете тоже имеет целый ряд плюсов. Это отделение в своем зарождении начало с того, к чему сейчас путем достаточной борьбы подходит этнографическое отделение ЛГУ. Я думаю, что из предыдущих прений достаточно выяснилось, что московские делегаты, даже стоящие на разных точках зрения, все подчеркивают непрерывную связь истории с этнологией и рассматривают этнологию, по существу, как часть истории. Эта установка, положенная в основу этнологического факультета в Москве, сказалась на всем построении плана преподавания. Мы видим, какое серьезное внимание уделяется историческому образованию в Москве, мы видим, что этнолог, прежде чем глубоко входит в свою специальность, получает достаточную квалификацию в области истории. Это, мне кажется, как раз то, к чему сейчас подходит этнографическое отделение ЛГУ. Но приоритет здесь принадлежит Москве.

Тут высказывалось мнение, что странно иметь на географическом факультете этнографическое отделение, что гораздо более логичным является объединение этнографического отделения с другими общественными науками на одном факультете. Не будем протестовать против исторических условий, которые заставили именно здесь развернуть это образование, но в дальнейшем, безусловно, развитие должно пойти по этой линии.

(л. 506) Второй вопрос — относительно полевой работы. Конечно, полевая работа в Ленинграде поставлена гораздо лучше, чем в Москве, где

мы имеем единственную полевую школу Анучина. Кроме того, в Москве студенты, если и прошли полевую подготовку, то очень слабо. Это основная прореха этнографического факультета в Москве, тут спорить не приходится, так как здесь, кажется, все на этом сошлись, и московские делегаты должны в этой области сделать определенные выводы.

Наконец последний вопрос — о преподавании яфетического языкознания. Здесь очень много говорилось о введении курса яфетодологии. Эта постановка, по-моему, неправильная, и вот почему: я лично имел удовольствие слушать курс Петерсона по введению в языковедение. Мне кажется, что трудно на третьем, четвертом курсе приниматься за изучение языка, даже с яфетодологическим уклоном, если с самого начала не была дана здоровая зарядка по индоевропеистике.

Мне кажется, что введение в языковедение должно строиться на яфетодологическом базисе. Мы приняли эту теорию как наиболее близкую к марксизму, как теорию материалистической лингвистики.

(л. 507) *Челезнев*¹

Я хочу остановиться прежде всего на вопросе, каким должен быть студент, когда он выйдет, окончив этнографическое отделение или этнографический факультет. В Ленинграде у нас по этому вопросу несколько лет тому назад не было никакой ясности, и студент не знал, чему он учится на этнографическом отделении и кем он будет, как он будет работать конкретно. Они этого себе не представляли, и только путем долгой работы над учебным планом, совместной работы всего студенчества с руководителями отделения мы достигли того, что доказали, что этнографу, кроме его конкретной специальности, кроме этнографической подготовки, нужна еще какая-либо специализация. Тогда только мыслится конкретная плодотворная работа. Потому что бывало, что мы получали общую подготовку, и этнограф знал все, но конкретно приложить свои знания к какой-либо отрасли работы в нашем Советском Союзе он не мог. Он не мог работать ни по советскому строительству, ни в экономически-плановых органах, ни даже по народному образованию. Теперь же, ставя специализацию по советскому строительству, по музееведению, по работе в плановых органах, наши этнографы уже зарекомендовали себя с этой стороны в положительном смысле. Именно в том, что работа на Севере сейчас по советизации требует этнографического подхода и посланные нами в Сибирь и на Дальний Восток 11 этнографов доказали, что при правильном этнографическом подходе этнограф может больше сделать, чем другой работник просто, неэтнограф, не знающий местных бытовых условий.

¹ Челезнев/Селезнев — личность установить не удалось.

Теперь второй вопрос. Это вопрос об учебном плане. Только сейчас в ленинградском этнографическом отделении учебный план стал похож на учебный план. Года 2–3 назад нам преподносили химию, физику, а не было курса советского строительства, не слушались некоторые экономические дисциплины и т.д. Сейчас это уже изжито, и в работе по общественным дисциплинам уже есть некоторая увязка с полевой работой.

Теперь вопрос о практике. Длительность практики. Нужно признать, что проводимая практика вполне отвечала задачам и весь вопрос заключается (л. 508) в том, посылать со второго или четвертого курса. Результаты, которые мы имеем в течение последних двух лет по этой работе, говорят, что лучше всего посылать с четвертого курса, потому что те, кто уже имеет основную подготовку, гораздо больше смогут сделать на месте и больше пользы извлечь для себя, чем студенты второго курса, имеющие только некоторые общие познания.

Следующий вопрос — о комплектовании этнографических вузов. Это вопрос очень важный, и вот почему. Не знаю, как в московском этнографическом отделении, а в отделении в Ленинграде комплектование до последних лет, даже до этого года, имело неправильный характер. Шло очень много случайных людей, которые попадали, учились несколько лет, потом или переводились, или уходили совсем. Почему это было? 1) Потому что не было на местах популяризации этнографического отделения и его работы. 2) Не уделялось достаточно внимания местными организациями при командировках. Я считаю, что сейчас необходимо вопрос поставить так, чтобы этнографическому образованию уделялось больше внимания, потому что масса организаций уже сейчас начинает понимать, что в целом ряде работ по советскому строительству, по экономике в национальных районах особенно важно участие в работе этнографа. И в работе особенно этнографа — местного работника. Я считаю, что этнографическое совещание по этому докладу скажет свое слово в том отношении, чтобы этнографическому образованию уделялось как можно больше внимания и чтобы рамки комплектования были бы расширены. В этом году было, кажется, 70 мест. Эти рамки сами собой расширились. Всех не могли принять. И ясно, что сейчас, когда этнография приобретает особое значение, нужно опять-таки поставить вопрос о расширении и комплектовании этнографического факультета.

(л. 509) *Азадовский*¹

Товарищи, я являюсь гостем на конференции. В течение трех дней я ни разу не рещался злоупотреблять своим пребыванием здесь и отнимать

¹ *Азадовский Марк Константинович* (1888–1954) — фольклорист, литературовед, этнограф. В 1923–1930 гг. — профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы Иркутского университета.

у вас время. Но есть одна тема, которую я обязан затронуть. Ибо она совершенно оставлена в стороне.

Дело в том, что это совещание проходит под знаком очень глубокого невнимания к провинции, не только невнимания, а полного неучета той огромной работы, которая там проделывается. Позвольте напомнить, что еще в то время, когда ни в Москве, ни в Ленинграде не были организованы новые этнографические ячейки и боролись за существование старые этнографические организации, в провинции была произведена огромная работа.

Чтобы не быть голословным, укажу на работу проф. Соколова в Саратове, на замечательный мордовский сборник¹, затем я укажу на Кострому и на ее издания и также на сибирские издания. Позволю себе заметить, что первым этнографическим журналом был журнал «Сибирская живая старина». Это невнимание к нашей работе неслучайно здесь. В Москве недавно вышло увлекательное издание общественных наук в СССР. Статья об этнографии принадлежала нашему уважаемому докладчику. В этой статье ничего нет о работе провинции. Большая работа проделана в Иркутском университете, но эта работа тоже совершенно не отмечена. Здесь мы встречаем продолжение того же, а между тем я полагаю, что эта работа в провинции не только местного значения. Я не зря критикую, чтобы только что-нибудь сказать. По-моему это вопрос общепринципиальный. В развитии этнографической работы на местах должны быть главным образом заинтересованы центры. Здесь поднимался вопрос о взаимоотношениях центра и провинции. Как он ставился? Говорили: надо приехать, натаскать местных работников, они же будут работать. Кто-то предлагал шефство взять над провинциальными учреждениями и т.д.

Товарищи, (л. 510) я глубоко закоренелый провинциал и местный краевед: я заявляю, что все это там не нужно. Шефство нам не нужно, но нам нужны такие условия работы, при которых мы свои огромные потенции и огромные организационные силы могли бы развить и применить в советском строительстве. Здесь встает один из основных вопросов. Это вопрос об этнографическом образовании на местах. Только этнографическое образование на местах, сеть этнографических факультетов и этнографических исследовательских институтов может дать возможность развить эти силы, имеющиеся в достаточном количестве на местах. Не случайный инструктаж, а постоянная работа в этом направлении. Между тем здесь дело обстоит сугубо катастрофически. Например, такой центр, как Иркутск, работающий в таком разноплеменном окружении. Может ли он обходиться без этнограффа? Конечно, нет.

¹ Видимо, имеется в виду «Мордовский сборник» (Саратов, 1930), который на момент совещания находился в печати.

Раньше в старых планах педфака существовало введение в этнологию, и, кроме того, мы на местах ввели курс этнографии русского населения. Но в новом плане этого нет, и когда я разговаривал в Профобре на эту тему, я ничего не мог добиться. Мне было сказано, что мы готовим педагогов, а не этнографов, здесь совершенно не учитывается, что иногда педагог обязан быть этнографом, а этнограф обязан быть знаком с методикой своего предмета. В Советской России это более чем необходимо, и у нас это не учитывают руководящие учреждения.

Я не буду задерживать вашего внимания на деталях, но я считаю, что необходимо внести в резолюции указание о создании этнографического образования на местах и чтобы в плане педфака и соответственных факультетов, которые уже имеются на местах, в зависимости от определенных местных условий были такие дополнительные курсы и т.д.

Этот вопрос и заставил меня выступить.

(л. 511) *Варпанетов*

Вчера мне пришлось задать более 10 вопросов, но, к сожалению, на мой взгляд, на более важные вопросы ответа не последовало. В частности, [на вопрос] как был историзирован ленинградский этнологический факультет, мне было отвечено, что там имеется только русская история. Это меня очень удивило. Я думаю, что здесь товарищи раньше меня высказывались, и я присоединяюсь к ним, что общее мнение на съезде выявилось такое, что уклон в этнографии должен быть, несомненно, исторический, и здесь такая лестница, как история культуры, и только история России, безусловно, недопустима. Здесь нужно будет говорить о введении, может быть, при помощи отдельных подразделений, но, конечно, всеобщей истории, и, может быть, прямо ставить вопрос о введении преподавания общей истории и таких отраслей истории, как эгейская культура, древняя история Вавилона, Ассирии, Египта и т.д. Без такого курса исторических познаний мы не подведем наших студентов к правильному пониманию исторического процесса развития человеческого общества и нечего будет говорить о подведении этнографического изучения под базу исторического материализма. Это один вопрос. В связи с этим, может быть, мы ликвидируем в дальнейшей нашей этнографической работе такие выводы, о которых здесь уже говорилось, как, например, о вотяках, ассирийцах и мордве в Крыму и т.д.

Здесь был вопрос относительно империализма и колониционной политики. Он стоит в высшей степени нечетко. На этот вопрос мне было отвечено, что он включается в политическую экономию. Это не верно, по-моему. Без этого этнограф не может быть хорошим. Тут касались педагогического уклона. Это, безусловно, необходимо этнографу.

Очень жаль, что тов. Маторин не привел цифр по ленинградскому этнологическому факультету о национальном составе его. Комплектование имеет чрезвычайно большое значение. Ведь не секрет, что большинство работников этих отделений необходимы национальным республикам. И здесь особенно нужна правильная постановка вербовки.

Здесь уперлись в вопрос, о котором говорил тов. Азадовский, что до сих пор не учтена крупная работа целого ряда провинций. Мы имеем в целом ряде провинций специальные отделения при вузах, где ведется работа этнографического характера. Казалось бы, что это нас до известной (л. 512) степени устраивает. Но если мы возьмем другую сторону дела, то нужно ли допускать такую работу? Казалось бы, Саратов. Я сам саратовец, и нужно сказать, что саратовское угро-финское отделение выросло на основе насущной потребности советской власти. Но что происходит фактически? Может быть, лучше это отделение закрыть или взять правильное руководство им или же туда направить силы? Ничего нет вреднее. Оттуда выходят кадры безграмотных работников. Не имеется там ни единого специалиста. Или надо ставить вопрос так, что нужно взять твердую линию руководства этим отделением или же нужно наладить правильную вербовку и переброску сил с центральных факультетов. Посмотрим, какова судьба национальных отделений Восточного этнографического института в Казани¹. Он находится в таком же положении. Часть его перенесена в Ленинград, часть в жалком состоянии находится там. Настоящих этнографов мы не получим оттуда. В этом случае, что печальнее всего, есть два течения. Есть целый ряд крупных провинциальных работников, которые доказывают, что нужно готовить этнологов на местах. Может быть, доля справедливости есть в этом, но только тогда, когда мы перебросим туда работников. Есть обратная сторона этой медали. Тов. Кошкин говорил, что есть большая нужда в студентах-националах и, с другой стороны, в научных работниках. Я скажу, что, с третьей стороны, Институт этнических культур народов Востока — казалось бы, единственное научное учреждение. И что же мы видим? Перед нами стоит вопрос, что нигде мы не видим ни одного места для выпускаемых аспирантов. Это объясняется тем, что эти отделения на местах заполняются самотеком. Может быть, мы и в этом отношении упрямся в вопрос феодализма.

Я присоединяюсь к вопросу относительно яфетизирования всех этнологических факультетов, но предостерегаю от всех полуяфетизирований. Под этим видом просачивается в эти факультеты целый ряд ненужных курсов.

¹ Видимо, имеется в виду Северо-восточный археологический и этнографический институт, открытый в октябре 1917 г. в Казани. В 1921 г. институт реорганизован в Восточную академию, с 1922 г. — восточное отделение Восточного педагогического института.

(л. 513) Левин

Товарищи, я хотел бы указать на небольшой частный вопрос: по-моему, на этнологическом факультете МГУ недостаточно внимания уделено тому, что мы называем практикумом или практикумом-семинарием. Товарищи, получающие во многих отношениях правильную установку в процессе своей работы, недостаточно знакомятся с тем, что собственно является предметом изучения на первом курсе, с конкретным материалом. Это очень большой пробел. Товарищ, работающий по Сибири, слушающий лекции по Сибири, должен был вначале знакомиться конкретно с такими вещами, как сложный лук, шаманские бубны, лыжи и т.д.

На старших курсах введено прохождение стажов в музеях, но этот стаж носит характер ознакомления с музееведческой техникой, а не является тем практикумом, который должен проходить на первом курсе.

Музеи в Москве, несмотря на то что они очень отстают от ленинградских в смысле материала, все-таки сумели обслужить этнологический факультет. Смычка между музеем и факультетом, введение таких практикумов, о которых я говорил, — чрезвычайно необходимо и важно.

(л. 514) Маторин

Прежде всего по поводу самокритики на нашем совещании. Я думаю, что правильно поступил и тов. Яковлев, когда он критиковал те или иные слабые стороны в работе московских учебных заведений. Конечно, и у нас в Ленинграде есть целый ряд слабых сторон, в отношении которых нужно еще очень и очень много поработать. Но я думаю, что мы вступили на правильный путь, поскольку уже провозгласили такую тесную смычку этнографии с советской общественностью, поскольку мы хотим из этнографа сделать не интеллигента на ходулях, а человека, который активно участвует в социалистическом строительстве. Я хотел бы вкратце рассказать, что мы делаем на нашем этнографическом отделении для подготовки таких руководителей определенной частью советского строительства. У нас имеется курс «Этнография и советское строительство», причем чтение лекций чередуется с занятиями семинарского типа, где разбираются такие, скажем, темы. Мы брали отдельно народы Севера и народы Востока. Темы так[ие] же: советское строительство, советский аппарат, судостроительство, кооперация народов Севера, промышленная политика в этих районах, культурное строительство, раскрепощение женщины Востока, работа среди национальных меньшинств в Ленинградской области. Вот те вопросы, которые мы разбирали семинарским путем. Так как в этой работе участвуют товарищи с разных циклов, то вполне естественно, что они стремятся заниматься под определенным углом зрения, стараясь изучить ту форму работы, которая характерна для изучаемой ими группы народов. Я должен сказать, что посещаемость этого уклона все время вполне нор-

мальная и интерес к этой работе у студенчества, видимо, большой. И, мне кажется, вполне естественный интерес, потому что здесь они видят смычку теории с практикой.

Второй момент, на котором я хочу остановиться, — это непрерывная производственная практика. Когда перед нами был поставлен вопрос, как осуществить практику по уклону советского строительства, мы вначале не могли найти такой формы, которая бы нас удовлетворила. Но я думаю, что мы более или менее вышли из положения, когда подумали, что у нас в Ленинграде существует целый ряд советских учреждений, как Областной исполнительный комитет, где есть специальная работа по нацменьшинствам, Областной отдел народного образования (л. 515) и там секция по нацменьшинствам, существует Ленинградский совет с целым рядом секций. Что если мы приучим наших студентов участвовать в общественной советской работе? Если они, будучи знакомы с советским аппаратом здесь, не сумеют разобрать его по винтикам в любом уезде и округе, то нужно быть о двух головах. И я думаю, что мы поступили правильно, когда прикрепили к этим авторитетным учреждениям наших студентов, которые органически входят в эту работу. Сейчас идет Областной съезд советов, и там работает ряд студентов из моего семинария. Может быть, это слишком отвлеченно. Нет, наоборот. Это приучит их разбираться в советской работе, когда они попадут на места. Они будут не созерцателями, они подопрут плечом в любом месте. Так что в отношении непрерывной производственной практики по уклону советского строительства мы пока нащупали правильный путь.

Вопрос о комплектовании. Для того чтобы на этнографическую работу не шли люди случайные или, может быть, чуждые советской общественности, косные во всех смыслах слова, для этого нам нужно, чтобы комплектование было поставлено рационально и мы вышли с ходатайством в наши центральные правительственные органы, в частности, я вел переговоры с тов. Десовым¹ и тов. Куйбышевым² во ВЦИКе и СНК, и с Советом национальностей союзного ВЦИКа, чтобы усилить комплектование на этнографические факультеты из работников-националов на местах, чтобы сэкономить и в языке, и во всей подготовке людей, чтобы мы могли с полной научной зарядкой выпускать людей, которые наверняка пойдут обратно на места. То же самое относится и к сезонной практике на местах, то же самое относится и к краеведам. То, что здесь говорилось в отношении

¹ Десов Георгий Александрович (1884–1937) — партийный деятель Ленинграда. Член президиума Леноблисполкома, зав. областной Рабоче-крестьянской инспекцией, председатель областного Дисциплинарного суда.

² Куйбышев Валериан Владимирович (1888–1935) — революционер и советский политический деятель. На момент совещания был председателем ВСНХ, занимал несколько ключевых административных постов.

краеведов на местах, нужно было бы дополнить следующим. Краеведы, имеющие этнографическую жилку, интересующиеся этнографической работой, рано или поздно должны получить высшее образование. Значит, это коснется и той молодежи, которая подрастает в провинции. Конечно, всех нельзя пропустить через наше и Московское этнографическое отделение. Нужно и в провинции иметь такие возможности. Следует обратить внимание на работу и в Казани, и в Саратове. В Казани, по-моему, довольно застойное положение. К делу этнографического (л. 516) образования там привлечены люди с большими знаниями, но с большим багажом старой миссионерской эпохи и старой методологии. Так что в отношении Казани не только о марксистской методологии, а надо помечтать просто о материалистической методологии. В отношении чтения этнологического курса в педагогических учебных заведениях. Я думаю, что не только там, но и в учреждениях, подготовляющих политпросветработников, тоже надо провести курсы по этнографии, так как и те, и другие должны быть знакомы с этнографическим материалом.

(л. 517) **Преображенский**

Я хотел бы начать с одной хронологической даты, упомянутой в докладе тов. Кошкина. А именно: он сказал, что отрыв этнографического образования в Ленинграде от естественно-научной базы начался в [19]25 г. Эта дата далеко не случайна. Дата «[19]25 г.» — это дата образования этнографического отделения этнологического факультета в Москве. Да не посетует на меня уважаемый Вл[адимир] Герм[анович], но я должен сказать, что это социологизирование, историзирование, экономизирование этнографического образования в Ленинграде началось под жестоким напором Москвы. Наверное, Вл[адимир] Герм[анович] вспомнит весьма бурные заседания в Главнауке и Главпрофобре, когда мне пришлось вести с ним бесконечные дискуссии на эту тему и доказывать, что настоящая этнология или этнография, стоящая на исторической, а тем более на марксистской точке зрения, должна быть построена на базе общественных наук.

В настоящее время мы имеем такое положение, что в Ленинграде есть чрезвычайно большие достижения по практической работе студентов и по увязке их работы с практической жизнью советского строительства. Но не надо замазывать и прикрывать того факта, что социологизирование этнографии шло именно из Москвы. Таким образом, если, с одной стороны, мы имеем ленинградский практицизм, то, с другой стороны, мы имеем и московский импорт сюда. Об этом существует целый ряд данных Главпрофобра и Главнауки, которые могут это засвидетельствовать.

Я укажу на два характерных выступления, имевших здесь место. Одно выступление — тов. Винникова, который предлагал приблизительно такую схему: покойный проф. Штернберг сказал, что этнография — это есть

изучение примитивных культур. Я не берусь утверждать, что действительно покойный Лев Яков[левич] такое определение давал. Мне важно спросить тов. Винникова, что он рассматривает под изучением примитивных (л. 518) культур. Я думаю, что под этим можно рассматривать только происхождение человеческой техники, религии, общества и т.д. Но для всякого ясно, что это задача историческая, что об этом судить можно только с исторической точки зрения.

Другое выступление, более осторожное, в котором, по-видимому, человек даже не знал, что сказать, — это выступление пр[офессора] Никольского. С одной стороны, «я историк», этнография — все-таки не есть история, я предложил бы термин «праистория». Как будто от прибавления частицы «пра» что-нибудь изменяется.

Итак, все же мы должны подчеркнуть тот факт, что этнографическое образование должно стоять на исторической базе и эта база в Москве значительно шире, чем в Ленинграде.

Здесь я хочу только вспомнить, что говорил мне один старый ленинградский знакомый. Он как-то выразился: «В Ленинграде все женихи, а в Москве все больше невесты».

Эта ленинградская практическая установка этнографического образования, которая знаменует собой, в конце концов, победу историзма, даст нам тот прекрасный экспортный товар, о котором с таким пафосом говорил Вл[адимир] Герман[анович], того советского этнографа, которого мы торжественно ввезем за границу.

(л. 519) Герд

Ведь доклад, кажется, назывался «Вопросы преподавания этнографии и подготовки этнографов». Поэтому мне хотелось бы слышать не только в горизонтальном разрезе о положении дела, но и в вертикальном. Во-первых, организация этнографического образования на местах и подготовка этнографов в советских институтах. Тут, пожалуй, доклад бил бы как раз в цель. Но этих вопросов как раз не было. И об этом говорили уже выступавшие до меня. А организация этнографического образования на местах — вопрос актуальный, и здесь тов. Абузов и Азадовский говорили, что на местах катастрофическое положение. С этим нужно считаться. Подготовка этнографов — научных работников поставлена безалаберно. Единственный институт — это Московский институт национальных меньшинств, где эта подготовка централизована. В остальных мы находим ассистентов при разных учебных заведениях. Нужно это централизовать.

Что касается вертикального разреза этой работы, то мне казалось, что здесь тоже нужно поставить вопрос о том, чтобы этнография преподавалась не только в специальных геофаках и этнофаках, но чтобы преподавание было бы расширено. Здесь тов. Маторин говорил, что препо-

давание надо ввести в педвузах и в учреждениях, готовящих политпросветработников. Нужно было бы еще расширить и ввести преподавание этнографии на медфаке, агрофаке и на факультете совправа и т.д. Есть много врачей, которые должны знать массу, среди которой они работают, знать быт той или иной народности, чтобы бороться с вредными явлениями. Систему организации этнографического образования надо расширить и несколько реконструировать. Пусть геофак или этнофак будет в центре этой работы, но пусть он свои щупальцы распространит и на другие факультеты, где будет читаться какой-то вводный курс о методах общественной работы с массами с этнографическим уклоном. До сих пор этнография не введена в педвузах и педтехникумах, и потому до сих пор этот вопрос стоит неразрешенным. На этой конференции нужно обратить внимание на то, чтобы в программы педвузов и педтехникумов была введена этнография.

(л. 520) Что касается значения родного языка в этнографической работе и в системе этнографического образования, то мало давать изучение языка этнической группы, среди которой собираемся пустить работника. Язык не есть что-то отвлеченное от общебытовых окружений. Необходимо изучение географии, истории, фольклора и т.п. А это у нас пока сделано только в общих чертах. Между прочим, на геофаке ЛГУ есть преподавание некоторых вопросов этнографии, но нет подразделений на отдельные группы. И нужно это провести.

Мне лично кажется, что в смысле практическом ЛГУ сделал больше, и здесь работа проходит стройнее, и целеустремленнее, и яснее, чем в Москве, и, по-моему, московскому вузу надо подтянуться. Я с удовольствием слушала прекрасную систему организации работы, которая имеется в Ленинграде. И, столкнувшись с рядом студентов вотяков, окончивших Ленинградский университет, я вынесла впечатление, что эти студенты действительно являются этнографами. Московский вуз этого не дал.

(л. 521) *Серебряков*

Товарищи, мне приходится остановиться на двух основных задачах нашей конференции. Первая основная задача — это внедрение марксистской методологии в этнографию. Это наш основной вопрос.

Вторая задача — это увязка нашей этнографической работы с социалистическим строительством.

Мне кажется, что в настоящее время достаточно ясно стало, по крайней мере для меня лично, что в Москве и та и другая задача не разрешены достаточно отчетливо. Наоборот, мы видим, что Ленинград эту задачу увязки этнографии с социалистическим строительством разрешил в пределах возможностей, стоит в этом направлении на верном пути и пойдет по нему дальше.

Что касается второй задачи, то мне кажется, что тут имеются небольшие шероховатости.

Мне хочется напомнить бурные аплодисменты, вызванные одним только воспоминанием о Л. Я. Штернберге, которые ясно свидетельствовали о том большом уважении, которое питает вся аудитория к памяти великого ученого.

Но в чем тут дело? Этот вопрос как будто бы нас должен волновать. Ведь Лев Яков[левич] никогда не говорил, что он материалист. Он, напротив, всегда говорил: «Я идеалист». Он всегда отстаивал эту точку зрения. Мы с ним часто спорили об этом.

Мы знаем, что Л[ев] Я[ковлевич] благодаря своему глубокому уму все-таки в своих научных исследованиях был стихийный материалист. За это мы его так и ценим. Но здесь это совершенно не было отмечено. В первом докладе отсутствовало, какой именно метод превалировал в исследованиях Л. Я. Штернберга. Совершенно не была дана проф. Преображенским марксистская оценка метода, который Л[ев] Я[ковлевич] считал основным методом этнографии. Мне кажется, что это ошибка нашей конференции и основной недостаток первого доклада. Нам необходимо было дать марксистскую (л. 522) оценку этого метода, и из этого мы должны были исходить в построении наших учебных планов. И действительно, если мы присмотримся к разрешению наших учебных планов, к их принципиальной установке и отправным пунктам, то мы не увидим ни в плане Москвы, ни в учебном плане Ленинграда наличия той органической увязки, которую особенно резко подчеркивал проф. Яковлев. Органическая увязка между методологическими дисциплинами и дисциплинами марксистскими и между нашей специальной этнографической дисциплиной отсутствовала.

Мы должны поставить вопрос о том, чтобы эта увязка как-то произошла.

(л. 523) *Измайлова*

Товарищи, мое слово будет очень кратким. Потому что, придя к вопросу о создании этнографического бюро на основании размышлений об истории нашего этнографического изучения, я пришла к выводу, что раз выявляются такие большие кадры, то нужно создать какую-то организацию, которая ведала бы всеми этими живыми силами. И я сейчас услышала, что будет особый доклад, который вернет нас к этому вопросу. Так что высказывание своих взглядов по этому вопросу я оставляю на время того доклада.

Маркелов

Я, товарищи, хотел бы остановиться на одном вопросе о специализации на этнографических отделениях в связи со специализацией по циклам.

Дело в том, что у нас основным принципом этой специализации стоит принцип лингвистический. У нас внутри этнографического отделения все циклы построены на этом принципе. Я хотел бы сказать несколько слов о том, что такое деление, такая дифференциация специальностей не всегда целесообразна. Требуется внести какой-то корректив в то, что мы имеем сейчас. Очень часто мы имеем культуру, которую невозможно изучить при знании одного только языка. Невозможно изучить именно с этнографической точки зрения. Например, если мы берем хотя бы Поволжье. Мы здесь имеем ряд культур, которые можно изучить при знании, по крайней мере, двух языков: финского и обязательно турецкого. Точно так же всем известно, что изучать этнографические явления, предположим, Средней Азии невозможно при знании одного турецкого или одного иранского языка. Требуется знание, по крайней мере, двух языков.

При специализации этнографического отделения студент изучает собственно одну группу языков. Студент угро-финского цикла изучает только финский язык, о турецком он и не мечтает. И наоборот. Это, мне кажется, не совсем нормальное положение. Требуется внести какой-то корректив в постановку этой специализации.

(л. 524) Преображенский

Совершенно несомненно, что этнография должна быть преподаваема в вузах социально-экономического характера. Но я должен сказать несколько слов о нашем цикле имени Д. Н. Анучина, большого русского ученого-антрополога.

Прежде всего, как уже здесь говорилось, антропология сама по себе является в достаточной степени антропологической наукой, и раса как таковая рассматривается как продукт исторического развития. Поэтому мне думается, что преподавание этнографии в качестве подсобной дисциплины, конечно, должно быть оставлено на нашем антропологическом цикле. Тем более что, изучая конституциональные типы населения, невозможно обойтись без изучения особенностей бытового характера. Изучая профессиональный тип рабочего, мы изучаем его быт, его труд и те категории, которыми оперируют и общественные науки. Совершенно несомненно, что этнограф, который преподает на антропологическом цикле, должен быть хорошо осведомлен и в антропологической науке. С этой точки зрения, для меня совершенно несомненно, что этнография на антропологическом цикле должна носить несколько особый характер, как раз тот характер, который она, по существу, у нас и носит, то есть народоведение. И предполагает гораздо большее знакомство с формациями физического типа, конституциональными, нежели с формациями социально-экономического характера.

Теперь мне хотелось бы сказать несколько слов о том, что при наших скромных силах нашим специалистам в далеких окраинах приходится

работать по нескольким специальностям. Тут говорилось о том, что нужно разделять специальности по истории жилища, истории костюма, религии и т.д. Я должен сказать, что мы до такого состояния еще, пожалуй, не доросли. И этнограф, работающий, скажем, среди самоедов, он часто является и лекарем, и антропологом, и художником, чем хотите. Поэтому, в силу чисто практических (л. 525) соображений, на всех этнографических отделениях, имеющих такой практический уклон, должно быть введено точное и хорошее преподавание пале[о]этнологии, то есть приемы пале[о]этнологического исследования, связанные с исследованием могильников, наиболее четко отображающих, скажем, ранее существовавшие религиозные формы.

Кроме того, при составлении учебных планов должна быть учитываема связь этнографии с целым рядом других специальностей.

(л. 526) Павлов-Сильванский

Товарищи, мы все время заостряем наше внимание главным образом на трех основных вопросах: 1) что нужно знать этнографу в процессе его подготовки к этой необходимейшей, с моей точки зрения, в советском строительстве специальности, какой является этнография; 2) чем этнограф должен заниматься в процессе своей работы и, наконец, 3) как он должен этим заниматься.

По первому вопросу, что нужно знать, мы уже достаточно много говорили. Но мне хотелось бы заострить ваше внимание на одном пункте, которого мы все-таки сравнительно мало коснулись. Именно, что для того, чтобы знать тот правовой быт, о котором здесь говорилось, и обычное право, нужно, чтобы этнограф имел понятие о праве вообще, чтобы он находился в теснейшем соприкосновении с основами правовых дисциплин. Когда мы говорили о том, чем нужно заниматься, мы пока только вскользь говорили об изучении правового быта. Однако мы должны всеми мерами добиваться его изучения, потому что практические результаты от изучения правового быта огромны.

Кроме того, я хотел остановить ваше внимание на другом факте. Было сказано вскользь, что этнограф должен заниматься фотографией. Он должен целиком этим заниматься и овладеть этим орудием изучения так же, как письменностью. Потому что плох тот этнограф, который не умеет зафиксировать своих наблюдений. И особенно нужно заострить внимание на кинематографии, потому что этим средством предстоит в будущем очень сильно пользоваться.

Прежде всего этнографу нужно работать как общественнику. Только при этом мы сможем вовлечь в работу и краеведов, и те широкие массы провинциальных работников, которые пока оставались в стороне. С другой стороны, нужно вовлечь в нашу работу и научных фотографов, не про-

мышленников, которые стоят пока в стороне, но могут оказаться блестящими помощниками, если мы докажем им, что они должны подходить к работе с этнографической стороны. Мы должны вовлечь и советских юристов, ибо я знаю, как они пока далеки от этнографии и как им необходимо в их практической работе иметь этнографические знания в области правового быта и обычаев.

(л. 527) *Сергиевский*

Итак, товарищи, последний вопрос возбудил чрезвычайно большое к себе внимание. Мне очень отрадно констатировать, что в основном, по самому существу его, здесь нет принципиальных расхождений. Общая установка этнографического образования как одного из видов социально-экономического образования признана правильной.

Сейчас перед нами стоит целый ряд новых вопросов, относящихся к укреплению, я бы сказал, идеологического фронта. В этом отношении, конечно, Москва и Ленинград еще не достигли надлежащих успехов. Нет спора о том, что очередной задачей является увязка этнологии или этнографии с марксистскими предметами: введение и укрепление материалистической лингвистики в преподавании на этнографических отделениях, вероятно, и дополнение некоторыми предметами, главным образом по линии практического строительства, существующих программ и учебных планов обоих отделений. Здесь, мне кажется, можно, подробно не останавливаясь, признать все это очередной ближайшей задачей дальнейшего строительства этнографического образования.

Я не хотел бы останавливаться подробно на методической работе, о которой здесь говорил Н. Ф. Яковлев, поскольку это вопрос не только этнографического образования, а вопрос строительства высшей школы вообще, над которым думают, разумеется, все факультеты и все вузы. В частности, наш этнофак только недавно провел две большие конференции, посвященные специально этому вопросу о методах преподавания, решения которых будут постепенно проводиться в жизнь. Здесь стоят вопросы о лекционном методе, о практикумах, об увеличении практических уклонов, о зачетах, о многопредметности и т.д.

Большой интерес вызвало мнение об организации педагогического цикла или уклона на этнографическом отделении. Я приветствую всецело от лица МГУ введение такого (л. 528) уклона. До сего времени мы были стеснены существующей сеткой вузов, по которой социально-экономическим вузам не надлежало заниматься этой областью. Но, как выяснила и наша конференция, введение педагогического уклона на этнографическом отделении является необходимым, потому что в существующих педагогических вузах еще нет той этнографической установки, которая требуется для педагога, работающего среди нацменьшинств.

Большое внимание также вызвали к себе вопросы практического порядка, частью общие наши болезни — Ленинграда и Москвы, частью — специфические для каждого из этих городов. Общими вопросами я считаю такие, как вопрос комплектования, по которым единодушное мнение сводится к тому, что нам непременно надо добиться организованного направления к нам с мест из автономных республик и областей соответствующих представителей, причем таких, которые желали бы посвятить себя работе именно этнографического характера.

Недостаточна еще связь с местами. Это особенно отмечалось для Москвы. Это, конечно, объясняется не чем иным, как тем, что МГУ собирается сделать только первый свой выпуск. В настоящее время мы ведем огромную работу по связи с местами, по выявлению их потребностей и наших возможностей направлять работников в эти места. Переписку по этому вопросу деканат ведет уже несколько месяцев, рассылая учебные планы и конкретно указывая, кого мы намерены выпустить. От этого опыта мы ждем для себя больших результатов в смысле определения до некоторой степени и самой специализации тех студентов, которых мы будем выпускать. Такая область, как советское строительство, культурное строительство, представляются настолько широкими, что в них должно внести известное уточнение в соответствии с требованиями мест.

Этой же новизной дела, этой еще не закончившейся фазой формирования нашего московского этнографического отделения (л. 529) объясняются и другие организационные и практические недочеты, о которых здесь много и справедливо говорилось.

Нет никакого сомнения в том, что полевая практика у нас находится, очевидно, в таком положении, которое уже пережил Ленин[градский] университет. Вл[адимир] Герман[ович] говорил, что у них было время, когда они ходили с протянутой рукой. Мы, может быть, с протянутой рукой не ходим, но должны особо каждый год посылать заявки Главпрофобру, так как до сих пор ассигнований на полевую практику нам не дается. Об этом ассигновании всегда приходится хлопотать, и результаты получаются не такие, какие нам бы хотелось получить. Максимальная цифра, которую мы получили, была полторы тысячи рублей на все наши четыре цикла.

Тот же организационный недочет, который существует на Лен[инградском] этнографическом отделении, а именно — отсутствие помещения и надлежащей организации специальных кабинетов, есть и у нас. Я думаю, что в резолюции мы должны обратить на это дело особое внимание.

Некоторые товарищи высказывались здесь о том, что было бы желательно расширить некоторые существующие циклы, в частности, в Москве. Т[оварищ] Алексеев, представитель якутской народности, особенно интересовался вопросом о вовлечении сибирской этнографии в сферу изучения Москвы. До сих пор этот вопрос не ставился перед нами, потому что не

было возможности ввести в Москве эти циклы, как они были введены в Ленинграде, где имеются действительно крупные силы в этой сфере. Конечно, с самого начала мы свой учебный план не рассматривали как абсолютно стабилизированный, не подлежащий дальнейшему расширению. Не сомневаюсь в том, что со временем нам, вероятно, удастся поставить несколько новых дополнительных специальностей в соответствии с требованиями жизни. Нашей очередной задачей я считал бы не столько стремление к немедленному расширению, сколько стремление к определенному размежеванию с Лен[инградским] университетом.

(л. 530) Здесь есть налаженное, хорошо поставленное дело, которое нужно здесь же продолжать, и расширяться нам следовало бы в тех областях, которые в Ленинграде еще не получили надлежащего осуществления, если таковые имеются.

Той же новизной дела объясняется и организационный недостаток, о котором здесь говорил тов. Ильин, — совместительство преподавателей. Ведь совершенно понятно, что Москва не может считать нормальным явление, что преподавание у нее отдельных предметов находится в руках приезжих людей. Но когда мы не можем поставить преподавание предметов по угро-финскому циклу своими силами, то будет радостная возможность использовать того же профессора Бубриха, который действует здесь в Ленинграде на этом фронте.

(л. 531) Начало дела объясняет такое положение, и нет никакого сомнения, что теперь подрастающая смена в лице аспирантов Института народов Востока даст надлежащий материал в этом отношении. Это имеет место в настоящее время путем привлечения молодежи. Слаба связь с местами, о которой здесь много говорилось. Это надо изжить. В одном только отношении я вынес отрадное впечатление от московской работы — это связь с музеями по линии музейного строительства. Должен с глубоким удивлением отметить, что с Музеем народоведения у нас такой прочной связи нет, такой связи, которая приводит к постоянному вовлечению сил музейных работников в наше институтское преподавание и к организованному прохождению нашей практики по этому разделу нашего образования.

Если мы еще мало связались с местными организациями в этом отношении, то все-таки все позиции уже завоеваны, и таких положений, на которые указывал Влад[имир] Герм[анович] о том, как трудно приходилось в Ленинграде допускать этнографических работников в музеи, в Москве не наблюдается. Это мы можем констатировать с отрадой.

Я забыл отметить, что только с одной стороны как будто высказывалось пожелание относительно защиты того положения, которое сейчас существует на антропологическом цикле физмата. Но, товарищи, когда мы говорим о необходимости поставить этнографию в цикл изучения социально-экономических дисциплин, это не означает, что специалисты-антропологи

были бы лишены возможности изучать эту дисциплину в качестве подсобной. Здесь говорится о том, чтобы антропологический цикл не брал на себя дело подготовки этнографов-строителей, о которых здесь идет речь. И та не[у]вязка с историей, о которой здесь много говорилось, особенно ярко выражена на нынешней конференции в некоторых выступлениях, шедших именно из антропологического цикла, — С. Ф. Преображенского, Толстова и др.

В заключение надо отметить еще один серьезный вопрос — об этнографическом образовании на местах. Я не хотел бы вносить предложения о немедленном его проведении в жизнь. Это вопрос сложный и сейчас, при отсутствии надлежащих кадров преподавателей (л. 532) в провинции, особенно. Ведь мы даже в Москве ощущаем подобного рода недостаток. И, может быть, было бы не бесполезным сейчас поставить вопрос о том, что в провинции везде должны быть создаваемы специальные этнографические отделения. Мы еще в Москве не можем сказать, что мы до конца построили наше этнографическое отделение. А к провинции это особенно относится.

Хотелось бы еще несколько слов сказать о тех положительных достижениях, которые имеются в нашей московской работе. Это я отношу главным образом за счет того энтузиазма, который проявляется нашей молодежью. Выступления наших московских студентов особенно ярко показали, с какой деловой критикой, как сознательно они относятся к вопросам строительства этнографического отделения, каким энтузиазмом эта молодежь заражена, и надо надеяться, что и впредь с таким же настроением мы будем строить наше общее дело. Время не позволяет мне сказать об общественной работе нашей молодежи. Как работает, например, этнографический кружок? Не многим хуже, чем те студенты, о которых говорил Владимир Германович. Они проводят такие экскурсии, как в Среднюю Азию, Узбекистан и т.п. Тут этот самый энтузиазм, конечно, налицо, и только недостаток времени не позволяет мне подробно на нем останавливаться. Мне хочется только добавить, что при надлежащей постановке дела этнографического образования, при наличии искреннего желания поставить дело так, чтобы идти в уровень с требованиями жизни и призывом к строительству социалистической культуры, можно надеяться, что желаемые результаты будут достигнуты. Тот пафос, о котором здесь говорилось, поможет преодолеть все затруднения и достигнуть небывалого и в других условиях невозможного расцвета этой науки. И если сейчас есть недочеты, то нельзя отрицать, что конференция свидетельствует о стремлении к неуклонному преодолению этих недочетов, есть желание найти выход для дружного сотрудничества. Я бы сказал, что даже та острота и живость, с которой велась дискуссия, свидетельствует о движении вперед. С такими предпосылками можно надеяться, что наше этнографическое преподавание найдет правильный путь.

(л. 533) **Кошкин**

Прения по этим докладам были чрезвычайно оживленные и внесли много деловых предложений, которые мы, конечно, учтем в своей работе, а основные из этих вопросов должны быть учтены в резолюциях.

Но одно я могу сказать: у нас было много недостатков, но у нас был зато один плюс — у нас была этнография. Здесь это нужно совершенно определенно подчеркнуть. Мы очень много ошибались, но в том, что мы делали, все же видны достижения.

В чем же наши недостатки? Я вчера уже говорил, как зародилось этнографическое отделение, насколько были сильны биологическое и географическое влияние в этнографическом образовании и насколько много было приложено трудов, чтобы освободиться от этого биологизма и географизма в качестве методологических основ. Мы можем сказать, что сейчас в основе наших учебных планов биологизма и географизма уже нет. У нас есть биологические предметы только как дополнительные дисциплины, необходимые для этнографа в полевой работе.

Теперь я хотел бы дать справку Петру Федоровичу, который сделал маленькую неточность, сказав, что московская школа нас толкала по пути историзма. Я не хочу вдаваться подробно в историю, но нужно сказать, что если нас кто-то и толкал в [19]26 г., то это был Главпрофобр, который одновременно является и московским, и ленинградским учреждением. Затем надо сказать, что учебный план [19]25 г. был выработан в Ленинграде группой студентов совместно со мной. Совместно с левой частью студенчества мы сделали маленький переворот. Я лично поехал в Москву, где за подписью председателя ГУСа новый учебный план был утвержден. И только в [19]26 г. этот вопрос перешел на обсуждение Главпрофобра.

Здесь тов. Серебряков, говоря о Л. Я. Штернберге, сказал, что он не считал себя идеалистом, а считал себя позитивистом.

(л. 534) С нашей точки зрения, это учение философское, и общеизвестно, что оно не материалистическое. Я хочу только сказать, что Л[ев] Я[ковлевич] применял этот термин в смысле общежитейском. Ясно, что [для] построения этнографической науки другими соображениями, как диалектическим материализмом, [мы] руководствоваться не могли. Даже тогда, когда они исходили из уст весьма авторитетных лиц. Мы взяли у Л[ьва] Я[ковлевича] то, что у него было ценного.

Теперь о Вл[адимире] Герм[ановиче], в порядке самокритики. Вл[адимир] Герман[ович] — очень интересный профессор. Он глубже нас всех, вместе взятых. Когда он писал свою «Этногеографию», он сказал: я сделал первый шаг к марксизму. Скажите, хорошо это или нет. Я посмотрел и сказал. Успехов почти никаких нет на марксистском фронте. Вл[адимир] Герм[анович] не обиделся, потому что он себе ясно и отчетливо представляет, что то дело, которое он делает, и то место, которое он

занимает, достаточно почетно и необходимо для нашего государственного строительства и для внедрения марксистских идей в этнографическую науку.

Весьма ценные замечания были сделаны Н. Ф. Яковлевым по адресу этнографических отделений. Эти замечания должны быть приняты в расчет.

Тут были некоторые вопросы, которые требуют дополнительного разъяснения. Я хочу сказать тов. Азадовскому, что наше совещание мыслилось и было создано исключительно как совещание московских и ленинградских этнографов. Следовательно, ни о каком привлечении местных работников не было поставлено вопроса. Это, таким образом, не невнимание к местным работникам, а просто мы считаем, что для продвижения вперед этнографической дисциплины нужно сначала собраться в масштабе Москвы и Ленинграда, чтобы потом перейти на более широкие рельсы и созвать конференцию или съезд.

Теперь остановлюсь на вопросе преподавания яфетического языкознания. Нужно отметить, что те переговоры, которые мы ведем два года с Н. Я. Марром, не увенчались успехом.

(л. 535) Но теперь придется эти попытки расширить и углубить, чтобы можно было общий курс языкознания поручить человеку, давшему лингвистике материалистическую постановку.

Здесь была высказана мысль об увязке с местными учреждениями. Это очень важно отметить в резолюции.

И, наконец, я хочу подчеркнуть, что, несмотря на то что у нас есть много ошибок и много трудностей, но у нас есть ясное представление, чего мы хотим достигнуть. Мы хотим дать в теоретической области социологически подготовленного человека, а в практической области — полезного этнолога, для нашего советского строительства. Вот две идеи, которыми мы руководствуемся и которые по мере наших сил мы проводим в жизнь. Чем дальше мы углубим эти две линии, тем лучше будет для науки и для этнографического отделения.

(л. 536) **Председатель**

По личному вопросу. Мое выступление против тов. Яковлева не следует рассматривать как выступление против необходимости марксистской увязки на этнографическом факультете. Я не мог выступить против марксистской увязки.

Богораз

Я должен сделать два заявления. По-видимому, наше совещание так складывается, что для моего американского доклада как будто нет места. Я отчасти это предвидел и постоянно говорил, что сделаю доклад, если только до него дойдет очередь, так как знаю, что раз мы расширили одну

половину, то приходится сокращать другую. Сейчас нам предстоит посещение Географического общества, потом банкет. Потом — принятие резолюций. Я мог бы зачитать свой доклад на геофаке. Кроме того, 19-го числа с[его] м[есяца] я в Москве буду читать доклад в Политехническом музее на эту тему. Быть может, возможно, это как-нибудь согласовать, если у вас есть желание прослушать его. В Москве я буду читать его два раза. Там же я продемонстрирую 50 диапозитивов, которые я вывез.

Затем я хочу сделать еще одно замечание по личному поводу. Видите ли, я сегодня получил несколько уроков в порядке самокритики и просто критики, уроков индивидуальных и коллективных. Что касается нашей собственной самокритики, то мы сталкиваемся. Но я должен сказать, что когда я свою книгу написал, то я говорил, что это есть пионерство научного порядка. Что, несомненно, и есть. Его нельзя отрицать. Я неоднократно предлагаю: давайте соберемся и будем это обсуждать. Еже согреших — согреших. С другой стороны, если взять то, что говорилось в порядке критики, то вы слышали, что П[етр] Ф[едорович] применил свой метод к историческому обследованию влияния московского отделения на ленинградское по введению у нас историзма и социологизма. Нужно сказать, что мы благодарим московское отделение, уж если мы получили от Москвы уроки. Уча — учимся. Но одну подробность я хочу указать. Что если говорить об импорте марксистского вина из Москвы, то мы пойдем вам навстречу, и я сказал вам об этом откровенно. Но мы хотим ввозить его не в полубутылках. Там оно разведено. Мы предпочтем это вино взять из бурдюка, а лучше всего — прямо из источника.